

Владимир Логинов

Когда земля была маленькой

«Автор»

2026

Логинов В. И.

Когда земля была маленькой / В. И. Логинов — «Автор», 2026

В нашу сегодняшнюю жизнь лавинообразно вторгаются научно-технические достижения, они меняют психику человека и как-то незаметно входят в его сознание. Люди начинают мыслить несколько иначе, и, естественно, мировоззрение их, так же незаметно, меняется, отношения уже не совсем те, что были, а вот рыночная меркантильность и связанные с нею противоречия остаются такими же, что были в древности и это накладывает свой отпечаток на становление характера нашего современника.

© Логинов В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ	6
Глава 2. СТРАННЫЙ ГОСТЬ ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ	12
Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТ	18
Глава 4. СТРОИТЕЛЬ ФАН ГУНН	26
Глава 5. ГЕНЕРАЛ ПАК	33
Глава 6. ВАРВАРКА ТУТТА	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Логинов

Когда земля была маленькой

*Камни прошлого – это мост в будущее, и
мост этот современники разными способами
пытаются снести.*

Часть 1. НЕ В СВОЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

Глава 1. УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

Леонид Ракшас проснулся с ощущением полнейшей пустоты в душе. И это было как-то странно. Казалось бы, радуйся: в школе начались каникулы, и уже нет того трудового напряжения, которое подспудно довлеет над любым педагогом весь учебный год. За окнами квартиры учителя веселилась уральская весна. Это веселье проявлялось в ворковании голубей на внешнем подоконнике, а через открытую форточку в комнату проникал ни с чем не сравнимый запах молодых тополиных листиков, что уже приносит в городской мир радость обновления. А если открыть створку окна да глянуть с высоты пятого этажа – весна обнимет тебя мягко и нежно. Яблони вдоль улицы, словно невесты в белом одеянии. Кусты сирени тоже накрылись шапками цветочных метёлок. Они неровными рядами тянулись вдоль улицы, и цвет кустов был то нежно-голубым, то почти лилово-красным. А ещё чистое синее небо и тёплый южный ветерок. Воробьи с утра пораньше собрались стайкой в кроне позеленевшей липы во дворе и устроили свой шумный, птичий симпозиум. Видно жарко обсуждали, кому и где жить всё лето со своей семьёй.

Ну, да на то она и весна, новый цикл жизни в природе, а Леонид не радовался. Лежал в холостяцкой теперь постели и тупо смотрел в потолок. Никуда не надо было торопиться, да и по дому делать ничего не хотелось. Когда живёшь один, то это себе иногда позволить можно. Одиноким Леонид стал недавно, -- жена от него ушла, не без причины, конечно. Ничего, в жизни так тоже бывает. Казалось бы, от тридцатипятилетнего, крепкого мужчины в расцвете сил никакая жена уйти не может, а вот ушла и всё тут. Конечно, был бы у них ребёнок, никуда бы жена не ушла. Все жёны мира в подобном положении семьёй дорожат. Теперь вот дом стал каким-то пустым, женского физического тела нет, а всё кажется, что женина душа бесцельно бродит по плохо прибранной квартире и сердится, что-то немо выговаривает Леониду, делает замечания.

То, что произошло в семье Ракшасов, объясняется до банальности просто. С некоторых пор Елена стала «пилить» Леонида за то, что тот, якобы, не умеет жить, мало зарабатывает, двух учительских зарплат ей стало недостаточно. Раньше почему-то хватало. Вот был бы ребёнок, тоже бы хватало. Леонид огрызался, что, мол, воровству его не обучали. Елена с раздражением отвечала, что де дело это нехитрое, все кругом воруют. Это она, конечно, так, от недовольства собой, мужем, серой, занудной, как ей казалось, жизнью. Муж, естественно, возражал: мол, воровать тоже надо умеючи, мол, воровские схемы надо хитро строить, прикрываясь буквой закона, а это довольно сложно, к тому же он не чиновник, которому проще, а всего лишь обычный археолог, а сейчас простой учитель. Ему грубовато отвечали, мол, напрягай мозги, для этого и голова сверху приделана, а не где-то снизу.

Вообще-то, понять сложившуюся нездоровую ситуацию в семье, казалось, довольно просто. Елена женщина молодая, на десять лет моложе Леонида, а вокруг гламурная жизнь, беспрестанный показ мод на ТВ, пропаганда богатой жизни, денег, ну и, конечно, проклятая реклама. Не надо бы телевизионщикам этого делать, ну, зачем тыкать в глаза большинству людей богатым куском отдельных персонажей, так размышлял Леонид. Одним словом сам виноват: не сумел увлечь жену жизнью духовной, наукой, той же археологией, разгадкой тайн истории – это же так увлекательно копаться в глубинах прошлого.

Леонид неоднократно пытался убедить сдуревшую жену, что она попала в потребительскую ловушку, в состояние, несвойственное российским женщинам, что оказалась, как и многие, на крючке западных спецслужб и финансовых воротил Запада. Давно уже известно, что для международных корпораций потребительский рынок -- это и есть истинная демократия. Ясно и другое, что потребительское общество, стремящееся только к материальному благополучию, неизбежно зайдёт в тупик, его ждёт вырождение и закономерная гибель. А вот попро-

буй, докажи эту истину жёнам, хотя у них и высшее образование, казалось бы, должны сообщать, да вот не так-то просто это им объяснить.

В отличие от жены Леонид свою работу преподавателя географии в общеобразовательной школе, которой занимался последние несколько лет, любил. До женитьбы, да и после неё, Леонид больше десяти лет работал в археологических экспедициях, раскапывая древние городища в Средней Азии и Сибири. По образованию он был археологом и стремился понять ещё с юношеских лет и объяснить, прежде всего, себе, как и почему рождались, развивались, а потом гибли древние цивилизации, оставляя после себя сплошные загадки в виде полуразрушенных мегалитических сооружений, пирамид, менгиров и дольменов, каких-то странных обсерваторий.

А тут времена изменились, хаос дикого рынка, финансирование археологических изысканий было сокращено до минимума, а спонсоров не находилось. По житейским причинам, да при равнодушии государства, Леонид с болью в душе, бросил работу археолога. На ранее заработанные в экспедициях деньги купил квартиру, окунулся в школьную жизнь, там и познакомился с будущей женой, первый год преподававшей математику.

По сравнению с другими учебными предметами географию школьные подростки любили гораздо больше, а всё, может, потому, что Леонид Петрович очень уж увлекательно рассказывал о странах и народах, морях и континентах, подкрепляя географические знания историческими фактами. Мало того, неуправляемые на уроках других учителей трудные подростки, на уроке Леонида Петровича вели себя смирно. Понять их можно: во-первых, этот странный учитель сразу завладевал их вниманием, гипнотизируя взглядом и увлекательными лекциями, во-вторых, все мальчишки знали, что Леонид Петрович был тренером по восточным единоборствам, а потому они его сразу зауважали, как только он появился в школе. Известно ведь, что слухи всегда бегут впереди человека с оригинальными способностями.

Скорей всего, Леонид по жене скучал, потому что искренне, по-мальчишески, любил её. Теперь вот лежал в постели и в голову лез всякий негатив: кому-то не то сказал, не так надо было, не те слова употребил, а лучше бы, вообще, промолчал. Там не так поступил, в другом месте не то сделал, а тут ещё быт заел. В какое учреждение не зайдёшь по делу, очередной чиновник смотрит на тебя как на врага народа, а другой мило улыбается, наобещает с три короба, но по российской, негласно заведенной привычке ничего так и не сделает.

Нет, надо думать о чём-нибудь хорошем. Вот, пожалуй, ни один его ученик, которого он «гонял» по карте, никогда уж не перепутает Скандинавский полуостров, на котором теперь живут потомки легендарных викингов с Пиренейским. А всё потому, что в Испании с Португалией живут в настоящее время потомки конкистадоров и мореходов. Мадрид находится на сороковой широте, а Стокгольм и Осло почти на шестидесятой. Приятно, что его ученики твёрдо знают, где Бискайский залив, а где Бенгальский.

Лежать надоело, и Леонид встал с постели. Надев спортивные штаны, он прошёл на кухню и заварил себе кофе. Когда доставал чашку из кухонного шкафа на глаза ему попала маленькая берестяная шкатулка. Всплывшая откуда-то из подсознания мысль почему-то заставила Леонида открыть её и вынуть оттуда предмет, который он когда-то привёз из очередной экспедиции. Это был круглый диск диаметром в семь сантиметров и толщиной не более пяти миллиметров. На равном удалении от центра диска располагалось три маленьких отверстия не более двух миллиметров в диаметре, и если через них провести соединяющую линию, то наглядно видно, что получится чёткий равнобедренный треугольник.

Точно такой же диск Леонид отправил в академический центр, в Москву. Оба диска были случайно найдены в осадочных породах одной из шахт Копейска, в Челябинской области, на глубине около километра. Шахтёры передали странную находку в экспедицию, находившуюся неподалёку в этих местах. Так находка шахтёров и попала к Леониду. Они рассказали, что вначале диск был один, а когда его доставили на поверхность, он сразу разделился, как будто до

того был тщательно склеен. Леонид тогда аж взвыл от отчаяния. Наверняка там, в культурном пласте, где лежал диск, были и ещё какие-то более мелкие детали, да бездушный угольный комбайн выгреб всё, что попало под его железную руку, хотя шахтёры утверждали, что там была ещё и карстовая полость. Сложный анализ пыли с места, где нашли диск в лаборатории научно-технического отдела при УВД Челябинска показал, что находка пролежала там более миллиона лет. Это заключение челябинских специалистов и подобное же из Москвы, повергло на какое-то время всех исследователей экспедиции в состояние близкое к самати.

Диск состоял из какого-то странного материала, похожего на железное стекло, может быть, поэтому и не ржавел, так неизмеримо долго находясь в сырой среде угольных пластов. Был он довольно тяжёлым, хотя вовсе не казался свинцовым. Археологи с большими трудностями, кое-как отколупнули с самого края песчинку этого странного материала, отправили на экспертизу, и уже исследователи в лаборатории ужаснулись: в нём была, чуть ли не вся таблица Менделеева. Материал содержал совершенно несовместимые друг с другом элементы: железо, кремний, кобальт и соду, никель, вольфрам, да много чего. Как можно, например, соединить кремний с никелем или вольфрамом? Уму непостижимо, а тут атомы разных элементов были неведомым образом спрессованы в единое целое. Получился такой сложный композитный материал, который, кажется, не смогла бы расплавить, пожалуй, даже внутризвёздная температура в миллионы градусов, а это наводило на мысль о высочайших, невообразимых технологиях, причём где-то далеко в прошлом, и даже, пожалуй, не на Земле.

По-видимому, это была деталь какого-то прибора. Загадка состояла в том, что подобную деталь из современной, нержавеющей стали, ржавчина всё равно съела бы уже через двадцать-тридцать лет. Леонид перебирал в руке удивительную находку, мыслями пытаясь проникнуть в глубочайшую пучину даже не веков -- многих тысячелетий, а то и миллионов лет. Для чего предназначена эта деталь? Леонид, разглядывая в тысячный раз древнее изделие, силился понять, кто её изготовил, для чего? Кто он этот великий мастер? Неужели Земля была обитаема ещё миллионы лет назад? По-видимому, так, -- вот же артефакт в руках. Диск таинственно молчал, как только не вглядывался в него археолог, пытаясь мысленно что-то разгадать. Было понятно одно: чтобы выдвинуть хотя бы какую-то здравую версию, здесь нужна не одна голова.

Кофе давно остыл, Леонид забыл про него, мысленно погрузившись в невообразимую глубину времени. Но вот, вдруг, косой луч взошедшего солнца ярко осветил поверхность диска -- из глубины пластины на очумевшего от неожиданности Леонида пытливо и мудро смотрели явно человеческие глаза. Странно только, что радужка в этих глазах была зелёной, хотя чего странного, у современников тоже бывают глаза зелёными. Леонид смотрел и не мог оторваться -- из этих, неподдающихся времени, глаз, как-то мягко обнимая парня, шла невероятная, гигантская сила, завораживающая, гипнотическая. Эта сила или неведомая энергия медленно и уверенно начала вливаться в подсознание Леонида. Вот уже глаза на пластине приобрели оттенок глубочайшей синевы, они не пронзали своим взглядом, а наоборот, затягивали в себя, чёрные зрачки призывно увеличивались. Археолог в изумлении отшатнулся, а в это время неприятно, не вовремя, даже как-то дико, прозвучал дверной звонок...

Леонид поспешно убрал странный диск обратно в шкаф. С раздражением, открыв входную дверь, он тут же оказался в объятиях своего друга Бориса Немчинова. Этот солидный, красноречивый мужчина, шумно ввалился в комнату и своей мощной фигурой, казалось, заполнил её целиком. Выгрузив из кейса на стол бутылку коньяка, явно французского производства, сыр, плитку шоколада и какую-то фруктовую закуску, он весело заговорил:

-- Лёнька! Ты всё отсыпался без жены! Поздравь меня! Я выиграл тендер на строительство моста. Тащи рюмки, отметим это дело.

Леонид, всё ещё находясь под впечатлением увиденных им неземных глаз с диска, мрачно заметил:

-- Чему радуешься? У нас, в Златоусте, речка-то курице по колено. Десять метров шириной.

Беспечная улыбка с круглого лица Бориса исчезла, он кинулся горячо и убедительно доказывать:

-- Да ты что!? А по весне? А когда зарядят дожди летом? Мост, если хочешь знать, даже через небольшую речку -- это серьёзное инженерное сооружение. Проектирование, выемка грунта, подъездные пути, четырёхрядное автомобильное шоссе, плюс трамвайные рельсы, многотонная нагрузка. А отсыпка откосов, их бетонирование, сварочные работы, да много чего. Забываешь ты, Лёня, про весеннее половодье, когда даже тихая речка превращается в зверя. Без жены-то, я смотрю, одичал. Несёшь тут всякую ахинею. Курице по колено... Давай рюмки, говорю!

Когда Леонид поставил на стол бокалы, Борис наполнил их коньяком и заторопил:

-- Ну, давай, глотай за мою удачу, Лёня! Может, повеселеешь!

Сам Борис смаковать дорогой коньяк не стал. Просто по-плебейски опрокинул содержимое бокала себе в глотку, словно это была простая вода. Тут же, и правда сразу повеселев, резюмировал:

-- Подумаешь, жена ушла! Другую найдёшь! Всё равно детей не нажили. И терять тебе нечего. Будь мужиком и не сиди тут в нуне, работать надо.

Леонид, глядя, как грубиян Борис по-хозяйски усаживается на диван и снимает с себя дорогой пиджак, медленно пригубил из своего бокала. Не закусывая, заметил:

-- Елене просто надоело жить в простенькой обстановке стандартной, двухкомнатной квартиры. Надоело скромно одеваться, в то время как вокруг коттеджи, дорогие лимузины, крикливо и вычурно одетые подруги, гламурные журналы, рекламирующие богатую жизнь. Я её понимаю и верю, что она одумается, вернётся. И зачем только люди богатеют? Глупо как-то. Были бы уж или все богатые или все бедные. Любое, в материальном плане, расслоение в обществе неуклонно ведёт к раздражению, в итоге к социальным потрясениям, к революциям и майданам, чем и пользуются спецслужбы и транснациональные компании Запада, и тех же США. Скорей они даже подготавливают и осуществляют эти социальные потрясения. Мировому теневому правительству нужно общество тотально зомбированных потребителей, в этом их видение ущербной, потребительской демократии...

-- Ха-ха-ха! -- рассмеялся Борис. Алкоголь начал действовать, кровяное давление у него поднялось, и его розовая физиономия покраснела ещё больше.

-- Ишь ты, разошёлся! -- посерьёзnel он. -- Мы это уже проходили, мой друг. Были уже все бедные. Забудь о советской власти, тем более, что мы с тобой при ней уже не жили. Жадность-то человеческую куда денешь, Лёня?

Помолчав с минуту, он, вдруг, предложил:

-- Айда ко мне! Бросай свою школу с её нищей зарплатой. Я оформлю тебя консультантом в своей фирме. Будешь экспертом по проектированию и изыскательским работам. Тебе же в университете читали лекции по геологии, ты сдавал экзамен. Эта дисциплина была обязательна на твоём факультете, так что ты нужный для нас, строителей, специалист. Зарплата у тебя будет министерская, так что твоя Ленка будет в шоколаде. А то и другая мигом найдётся. Девки, они богатых любят, будь ты хоть Квазимодой обличьем.

Леонид мрачно глянул на самодовольного друга:

-- Конечно, с деньгами многие проблемы решаются, особенно бытовые, которые и задают ритм современной жизни, -- заговорил он. -- Но душу меркантильными вещами, материальными запросами, не удовлетворишь. Кстати, красавица Эсмеральда полюбила нищего калеку Квазимодо за его высокую духовность, и на обличье его ей было абсолютно наплевать...

Вальяжно развалившийся на диване Борис дёрнулся вперёд с решительным вопросом:

-- Ты пойдёшь ко мне?!

-- Я работу свою в школе люблю, Боря! – ответил не задумываясь, Леонид.

-- Тьфу, ты! – начал психовать Борис. – Так у меня работа как раз по твоему образовательному профилю. Ты же будешь работать с нулевым циклом. А в школе веда факультатив, коли, уж так любишь преподавание. Неужели непонятно, что любое строительство начинается с выемки грунта и углубляться порой приходится более чем на десять метров – вот тебе и все твои культурные слои. Изучай, исследуй, только недолго, строители ждать не могут.

-- Ну, культурный слой может быть и на глубине в сто метров, и даже больше, – оживился Леонид.

-- Это уж ты брат загнул! – Борис откинулся на спинку дивана с недоверчивой улыбкой на лице.

-- Ничего не загнул! – кинулся в привычную полемику археолог. – Земля ведь, Боря, живая. Это гигантский суперорганизм. Планета растёт и ежегодно прирастает на сотни миллиардов тонн, прежде всего своей органикой и выбросами вулканического пепла, извержением раскалённой лавы, да ещё мы, люди, добавляем. А вместе с увеличением массы планеты растёт и её гравитационное поле. Учти, даже десять тысяч лет назад масса Земли, а вместе с ней и гравитация были чуть меньше. Люди и животные, друг мой, были в то время несколько больше размером и сильнее, чем сейчас. Незначительно, конечно, но для нас заметно...

-- Живая, говоришь! – произнёс Борис, закинув руки за голову.

-- Естественно! – продолжил свою лекцию Леонид. – Да исчезни то тепло, что идёт изнутри планеты, жизнь на Земле тут же бы и прекратилась, мы бы просто замёрзли и солнечная энергия не спасла бы нас. Ведь у нас под ногами гигантский ядерный реактор. Там, внутри планеты огромное давление, тяжёлые элементы, а Земля окружена магнитным полем. Континенты и мировой океан плавают на раскалённой магме, которую в свою очередь и создаёт ядерная реакция внутри планеты. Я тебе больше скажу, Боря: древние цивилизации умели использовать эту энергию. Мы не умеем. Потеряли мы эти знания. Толщина земной коры всего-то шестьдесят восемь километров – это совсем немного, а в отдельных местах около тридцати километров. Это всё равно, что скорлупа на яйце. Кстати эта скорлупа похожа на губку, в которой воды в атомарном состоянии больше, чем в мировом океане в разы. Если эта вода по причине космического катаклизма, вдруг, выйдет на поверхность, то для человечества это будет очередной Армагеддон...

-- Ага! Кстати, о воде! – оживился Борис. – Я бы мог набрать специалистов из тех французов, англичан или голландцев, что уже толпами бродят по нашему городу, да и по всей России, в поисках работы. Ты ведь знаешь, что уровень мирового океана поднялся уже более, чем на метр. Европу заливают и затопливают. Голландии уже нет, половина Англии в воде, Франция потеряла уже треть своей территории, а также и Германия, и Польша. Восточные штаты США уже в воде. Из Санкт-Петербурга вывозят все ценности, накопленные нашими предками, а в Екатеринбурге срочно возводят копию Эрмитажа, Дворцовой площади и здания Сената. Столицей России, скорей всего, будет Новосибирск...

-- Спасибо, Боря, за поддержку! – Леонид с благодарностью взглянул в глаза друга. – Предложение заманчивое, но я всё-таки погожу.

-- Чего годить, чего годить, друг мой! – дёрнулся Борис. -- Давай решайся, а то найму какого-нибудь немца из беженцев. Вы вот все думаете, что если предприниматель – значит вор, в деньгах купается, людей эксплуатирует. Я вот по шестнадцать часов работаю, на сон, так необходимый организму, времени не хватает. Предпринимательство – это призвание, -- это не только риск потерять всё -- это шахматные партии, чтобы не прогореть надо, при постоянном давлении конкуренции, вести грамотные экономические расчёты Это особый талант, который дан далеко не каждому. В нашей работе нужно просчитывать всё на сто ходов вперёд. Любая, даже, казалось бы, незначительная ошибка – это банкротство со всеми вытекающими последствиями, с поломанными судьбами.

-- Да я понимаю, Боря!

-- У нас ведь, Лёня, -- продолжал убеждать друг, -- грандиозные планы строительства. Будут вскрываться гигантские площади – вот поле твоей деятельности. Может, столицей России со временем Златоуст будет, а? До нас воды мирового океана не дойдут, потому, как мы находимся на шестьсот метров выше уровня мирового океана. Москвичи-то к нам побегут, а мы ещё посмотрим, кого трудоустроить, а кого и послать куда подале. Да здесь армия археологов понадобится, не забывай про Аркаим, друг мой. Многие историки пришли к убеждению, что Южный Урал есть колыбель человечества. Здесь жили арии, потомки гиперборейцев, здесь жили древние металлурги. Они выплавляли не только бронзу, но и сталь, не уступающую современной. В то время кельты в Европе всё ещё бегали по лесам с бронзовыми мечами. По грубым подсчётам в этих местах нужно раскопать около сорока древних городищ. Вон, со дна озера Тургояк подняли амфоры, которым от трёх до шести тысяч лет, а возле острова Веры обнаружили какое-то сильнейшее энергетическое поле. Здесь целая сеть загадочных озёр с большим содержанием радона в целебной норме. В этих, богатейших для археологов, местах развивались малоизвестные нам цивилизации. Да что я тебе рассказываю, ты и так всё знаешь. Здесь жили предки славян, венгров и индийцев. Кстати, индийцы генетически нам, славянам, вроде бы родня, у нас, якобы, один предок. Ну, ты лучше знаешь. Так что Лёня культурных слоёв здесь более чем достаточно, только их никто не изучал. Ты будешь этим заниматься! – повысил голос Борис. -- Да, погоди, насколько я знаю историю, у тебя какая-то уж очень древняя фамилия. Ракшасами, кажется, называли древних воинов, которые вроде бы охраняли Брамму или Шиву, и, из которых, по-моему, произошли брахманы в Индии? А, Лёня, просвети!?

Неожиданно и неприятно звякнул дверной звонок, прервав беседу друзей.

Глава 2. СТРАННЫЙ ГОСТЬ ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ

-- Так, Лёня! – Борис бодро вскочил с дивана. – Я встречу! Я знаю кто это!

-- И кто же? – усмехнулся Леонид.

-- Гений! -- буднично произнёс Борис. – Настоящий! У нас ведь привыкли разных дураков, которые там что-то брякнут с трибуны, засветятся на экранах или громко споют, гениями называть. А это, повторяю, настоящий. Он хоть и не Эйнштейн, но равный ему, а то и бери выше. Он москвич, но больше живёт где-то в Подмосковье. Главное, он астрофизик, крупный специалист в области микробиологии и генетики, хотя по первому образованию психолог, для него время, что для скульптора глина. Он, конечно, со странностями, так вы, люди учёные, да ещё творческие работники, все малость не в своём уме, так уж у вас мозги устроены. Мы с ним знакомы уже лет семь, если не больше. Себя и свою научную деятельность он старается не афишировать, к научным степеням не стремится. Он сейчас здесь, на Урале, по каким-то своим делам. Я специально пригласил его к тебе. Познакомись, так будешь ещё мне благодарен.

Борис вышел в прихожую и вскоре вернулся с гостем. Незнакомец был высокого роста, тощий, с узким лицом и... зелёными глазами. Леонид в некоторой растерянности встал со стула, несмело протянул правую ладонь для рукопожатия. Нет, конечно, людей с зеленоватыми глазами он встречал и раньше. Их, таких, мало, редко встречаются, но бывают. Смотреть им в глаза как-то неприятно. И ведь что характерно: синие глаза, которые тоже редко у кого бывают, притягивают, они прекрасны, особенно у женщин, а вот зелёные, как-то настораживают, отталкивают, а людей со слабыми нервами даже страшат.

В голове у Леонида сидел взгляд удивительных глаз с диска, а потому какой-то холодок поселился у него где-то внутри, в селезёнке, когда он сделал шаг навстречу неожиданному гостю. Тот же спокойно пожал руку хозяину и красивым мужским баритоном назвал своё имя:

-- Давид Курганов, по паспорту Рамамурти!

Странно, но гость вовсе не походил на индуса, обычное славянское лицо. На вид ему было лет тридцать. Одет простенько: лёгкие светлые штаны, камуфляжная майка и тонкая летняя куртка, на ногах дешёвая спортивная обувь. Борис, глянув на часы, поспешно надел свой пиджак со словами:

-- Ладно, ребята, беседуйте, знакомьтесь, а я побежал. Дела торопят, да и шофёр внизу наверняка уже не раз вспомнил чью-нибудь матушку, несмотря на то, что я плачу ему хорошую зарплату.

Борис стремительно вышел, дверь в прихожей захлопнулась и в квартире Леонида повисла тяжёлая, какая-то неловкая, неприятная тишина. Гость сам налил себе в бокал коньяка, из которого только что пил Борис, сел на его место, и, изучающе глядя на Леонида, медленно выпил. Взяв со стола кусочек сыра, пожевал. Леонид, разглядывая гостя, обомлел – глаза его уже не были зелёными, а стали синими как чистое утреннее небо. Гость же как-то по-детски улыбнулся и располагаяще, по-будничному, произнёс:

-- Сыр плохой, Леонид. Явно сделан на скорую руку. Творожное сырьё спрессовано, ферментация, естественно, не закончена – всё это результат человеческой торопливости и жадности. Давай, друг мой, сразу на ты – это сближает.

Леонид, соглашаясь, молча кивнул головой, всё ещё не зная как ему быть. Гость же, обаятельно улыбнувшись, как-то сразу мягко и ненавязчиво овладел вниманием хозяина:

-- Борис рассказывал мне о тебе, Леонид, так что я заочно уже знаком с тобой. Это хорошо, что ты археолог, мне будет легче объяснить тебе цель моего визита в ваши уральские края. Ты наверняка знаешь, что Уральский хребет, протянувшись с севера на юг на тысячи километров, произошёл в глубокой древности от столкновения двух плит: Западно-Сибирской и Восточно-Европейской. В результате гигантского давления горная цепь насыщена андезито-

выми породами, в которых образовалось огромное количество кварцитов, железистых и селитровых сланцев, а также немало бериллов. Надо сказать, что земная кора на двенадцать процентов состоит из кварцитов, которые отлично воспринимают и удерживают любую информацию. Пока человечество ещё не умеет пользоваться этой информацией, но, считаю, что в недалёком будущем научится, что приведёт к научно-техническому взрыву – вот и делай выводы, мой друг.

Леонид слушал, смотрел на гостя и чувствовал себя студентом.

-- Так вот, -- говорил между тем московский гость, -- о движении платформ в далёком геологическом прошлом: в результате этого движения, Леонид, соответственно появились такие ископаемые минералы как яшма, опалы, рубины, гранаты, малахиты, офи-кальциты и так далее. Природа создавала их при высоких температурах и гигантском давлении. Но это всё поделочные камни для ювелиров и они меня вовсе не интересуют...

Леонид, зачарованный рассказом странного гостя, слушал, не прерывая, и доверие к нему быстро росло с каждой произнесённой фразой. Гость же, гипнотически глядя на хозяина, продолжал свою лекцию:

-- Здесь, в толще этих гор, существуют с незапамятных времён, карстовые образования, огромные пустоты, в которых накоплена гигантская энергия планеты. Здесь много аномальных зон – вот они-то меня интересуют в первую очередь. Я привёз с собой прибор для обнаружения и измерения энергии в этих зонах, который сконструировал и изготовил сам. Так что он в единственном экземпляре. Древние цивилизации, те люди, которые когда-то жили здесь, не только знали, но и успешно пользовались энергиями таких зон, а в каких целях – загадка. Вот и маленькие пирамиды в здешних местах обнаружены, а им более шести тысяч лет...

Леонид поймал себя на мысли, что надо бы показать свой диск этому странному парню, хотя до этого он никогда и никому его не показывал.

-- Твой друг, Борис, -- гость опять приятно улыбнулся, -- дал мне свой вездеход, и я проехал вдоль всей цепи озёр Челябинской области. И что ты думаешь? Как я и рассчитывал, кое-где обнаружили значительные выходы радона, сопровождающиеся переменными магнитными полями.

-- Это для нас не новость! – вставил своё замечание Леонид.

-- Согласен! Но выход радона и переменные магнитные поля в определённых точках говорят о присутствии аномальных зон, а стало быть, там есть вход в другую вселенную, в другой мир. Это, так называемые, резонансные точки. Когда я был на севере Свердловской области, то видел ту деревню, из которой все жители мгновенно исчезли вместе со своим скотом, собаками, кошками и даже покойниками с кладбища, все могилы были разрыты в одну секунду. И всё это произошло среди бела дня. Об этом случае рассказали охотники, которые ушли далеко в этот день, а когда вернулись, то чуть с ума не сошли. Вот он наглядный пример возникновения резонансной точки в результате рассогласования частот энергии планеты и вселенской волны. Одномоментно возникла вакуумная дыра – это и подтверждает гипотезу соприкосновения двух миров.

Леонид не был бы учёным, если бы по-плебейски выразил недоверие. Он просто сказал:

-- Докажи!

Гость опять обворожительно улыбнулся и как учитель пытливому ученику коротко объяснил:

-- Ты же уже слышал из докладов некоторых учёных, что в мире каждый день пропадает по человеку, а то и больше? И это вовсе не те люди, которых украли, убили, уничтожили бесследно. Феномен исчезновения заключается в том, что происходит это часто на глазах у свидетелей: пошёл человек за сигаретами или за хлебом в ближайший киоск и... нет его. Или просто вышел в другую комнату за чем-нибудь и... пропал. С седьмого этажа не мог же выпрыгнуть в окно и в двери выйти не мог, одеваться надо, да и заметили бы сразу. А человек этот даже

и не подозревает, что оказался не в своей реальности. Сходил в другую комнату, принёс что-то и продолжает общаться с гостями, с женой, с детьми, но... это не его реальность, это параллельный мир. И ведь таких случаев немало, о них знают люди. Просто на фоне бесчисленных преступлений уголовного порядка такие случаи незаметны...

Леонид согласно кивнул головой.

-- В образованном мире сейчас неграмотно говорить ВСЕЛЕННАЯ, – продолжил гость. -- Последние достижения науки говорят нам о том, что мир более сложен, чем мы его представляли раньше. Теперь принято говорить, а в научной среде особенно, МУЛЬТИВСЕЛЕННАЯ. Физики, в том числе и зарубежные, согласились с положением, что вселенных бесчисленное множество и в каждой вселенной время течёт по-разному, даже в обратном направлении. Получается, что лететь со звезды на звезду сотни лет вовсе нет никакой необходимости, достаточно просто перейти в другую вселенную, где нужный объект будет рядом. Например, в нашей вселенной звезда Бетельгейзе находится от нас на расстоянии пятисот световых лет, а в другой вселенной она находится где-нибудь на орбите Урана. Ну, скорей подалее, а то сгорим. Любое космическое путешествие значительно упрощается, и, прежде всего, в смысле времени. Важно понять сам механизм перехода из одной вселенной в другую. Например, астрономы обнаружили очередную экзопланету в системе звезды такой-то. Лететь до неё обычным способом семьсот световых лет. Глупо, неразумно, да и практически невозможно. По разработанной методике переходим в другую вселенную, или другое измерение, где эта звезда рядом, на расстоянии одного светового года и летим изучать эту экзопланету на обычном планетолёте с ядерным двигателем...

-- Кстати, ты не замечал, Леонид, -- гость опять изучающе посмотрел на хозяина, -- что у некоторых людей ничего не получается за что бы они не взялись? Вся жизнь их какая-то неловкая, исковерканная и люди-то их не понимают, и даже не принимают. Они стараются сделать добро людям, бескорыстно делятся знаниями и материальными ценностями, а общество этого не ценит, проявляет полное равнодушие. Так вот эти индивиды, а их немало, попали в нашу реальность из других миров, но их мозг, этого не зафиксировал. Но бывает, что мозг отмечает какой-то рубеж во времени. Когда я работал психологом в одной из клиник Москвы, некоторые пациенты говорили мне, что вот всё было хорошо в жизни, а с такого-то времени, вдруг, жизнь заметно изменилась, стала тусклой, беспросветной, постоянно «не везёт», люди или равнодушны к нему, или вообще посылают куда подале. А о других, которым всё удаётся, говорят, что они идут по жизни под ручку с госпожой Удачей, -- вот эти люди живут в своей реальности. Многие люди, друг мой, нутром чувствуют, что это не их мир, им в нём неуютно, они в нём чужие. Всем недовольные, они со спокойной совестью совершают террористические акты, бездумно, или наоборот продуманно, идут на преступления. Вот в своём, родном мире, они бы совершили благородные поступки. Там они нужны обществу, они его неотъемлемая и естественная часть...

-- Это всё предположения, гипотезы, – скептически заметил Леонид.

-- Мультивселенная?! – повысил голос гость. -- Множественность миров?! Нет, брат, это наука...

-- В таком случае, -- прервал собеседника Леонид, -- зачем я нужен людям в качестве археолога? Проще побывать в том времени, которое я в настоящий момент изучаю, копаюсь в земле, по материальным остаткам, делаю выводы, выдвигаю различные версии о происхождении этносов, о их жизни в определённое время. Остаётся только изобрести механизм передвижения во времени, а?

-- Не механизм, а метод! – поправил, опять радушно улыбнувшись, гость.

-- Интересно, это как? – насторожился Леонид.

-- Переселить твоё сознание в голову одного из индивидов выбранного нами времени, – пояснил гость. -- Ты думаешь, откуда взялись Нострадамус, Кейси, Ванга, да хотя бы тот же Василий Блаженный или монах Авель?

-- Неужели из будущего!? – выдохнул Леонид.

-- Конечно! – громко, но буднично произнёс Давид. – Кто-то там переселил чьи-то сознания в эти физические тела, в головы. Этих предсказателей немало было во все известные нам времена. Если два сознания в одной голове не уживутся, то человек попадает в психушку, а если уживаются, то первое или второе становится главенствующим и человек становится блаженным, то-есть предсказателем. Раньше, я имею в виду средневековье, их было больше, многих сожгли на кострах по-глупости, а сейчас развелось много прохиндеев, которые дураят людям головы, наживая нечестную деньги.

Переваривая сказанное Давидом, Леонид неожиданно для себя ляпнул:

-- Странно, почему у тебя глаза сначала были зелёными...

-- А потом стали синими? – подхватил Давид. – Зелёными они бывают для защиты, другой мой. Зелёные глаза – это барьер, через который никто не может проникнуть в моё подсознание, командовать мной, зомбировать. Не удивляйся, но это могу делать только я. А что касается индийской фамилии, так это фантазии моей матери. Мама у меня романтическая натура, насмотрелась в своё время индийских фильмов – вот и записала меня под этой фамилией, да и всё тут. Хотя, когда я учился в общеобразовательной школе, то носил фамилию матери, -- Курганов. Ну, а паспорт я уже получил с фамилией Рамамурти. Отца-то своего я не знаю. Да и лет мне уже далеко за семьдесят. Я ведь пенсионер по документам. Как видишь я перед тобой откровенен, мне скрывать нечего, я просто чувствую, что ты человек высшего порядка, твой интеллект и быстрота мышления девяносто семь баллов по шкале Джорджа Флосса.

У Леонида промелькнула мысль: не сходит ли он с ума. Перед ним сидел скорее молодой человек, спортивного вида, и уж никак на старика не походил. Хотя однажды он встречал человека, которому на вид невозможно было дать даже пятидесяти лет, а ему было восемьдесят, и в доказательство он предъявил паспорт.

-- Да ты особо-то не удивляйся, Леонид! – усмехнулся Давид. -- Это ж физиология, генетика. Просто я пятнадцать лет назад сам себе убрал ген старения и перепрограммировал организм, -- вот патологические изменения и прекратились.

-- Ка-как это у-убрал? – растерялся Леонид. – Разве это возможно?

-- Возможно, брат! – посерьёзней Давид. – Всё возможно в этом мире. Нужны только знания. Желательно всем, а то ведь человечество деградировать стало, и очень даже существенно. Элиты государств глупеют на глазах, кроме потребительской политики ничего не могут предложить своим народам. Нужно ставить перед людьми великие цели: например, заменить весь наземный транспорт на воздушный. Нет, не на самолёты с их грязными и маломощными двигателями внутреннего сгорания -- это каменный век. Сейчас нужно думать об антигравитационном транспорте для быстрого, экологичного и совершенно безопасного перемещения грузов и людей в воздушной среде. Начинать хотя бы с замены современного горючего из нефти на простую воду. Древние цивилизации в быту пользовались такими энергиями и технологиями, которые современному человеку и не снились...

-- Хм! – Леонид недоверчиво покачал головой. – Говоришь так уверенно, словно побывал в тех временах.

-- Может, и побывал, брат, – буднично резюмировал Давид. – Как-нибудь, при случае, расскажу.

-- Так! – решил Леонид. – погоди минутку! Я тебе кое-что покажу сейчас. Глядишь, многое для меня и прояснится.

Он принёс и вручил гостю странный диск со словами:

-- Вот артефакт, найденный на глубине около километра в одной из шахт города Копейска. Проведённый анализ показал, что находка эта пролежала в земле более миллиона лет. Что скажешь?

Давид внимательно осмотрел пластинку. Медленно заговорил:

-- Сложный, композитный материал, думаю, что эта вещь инопланетного происхождения, но с натяжкой могу допустить, что её изготовили здесь, на Земле. Для изготовления этого диска, пожалуй, нужна ядерная энергия, огромное давление и очень высокие температуры, а это ведь сложнейшие технологии и великие знания, а стало быть, высочайшая культура, потому и считаю, что диск этот, часть какого-то прибора или инструмента внеземного происхождения. Более миллиона лет, говоришь, пролежал в земле?

-- Таковы данные анализа.

-- Считаю, что изготовили прибор ещё раньше и не на Земле.

-- На пластине чьи-то глаза! – поторопился добавить Леонид. – Только нужен боковой, узконаправленный пучок солнечного света. При дневном общем освещении ничего не видно.

Давид, пытливо взглянув на хозяина, быстро сказал:

-- А мы сейчас поступим так: у тебя есть фотовспышка?

-- Есть!

-- Неси сюда! Сделай из тетради трубку с узкой щелью и включай, а я буду смотреть на диск.

Леонид, выполнил просьбу и щёлкнул вспышкой.

Видимо Давид увидел то, о чём рассказывал хозяин, а потому, поморгав ресницами, заявил:

-- Очевидно это мастер, изготовивший этот древний прибор.

Леонид непроизвольно и мечтательно произнёс:

-- Побывать бы там, в том времени. Самому всё прочувствовать, увидеть, пережить.

Давид внимательно, с прищуром глаз, посмотрел на Леонида. Сказал просто:

-- Очень хочешь?

-- А что меня здесь держит? – беспечно заявил Леонид. -- Я археолог, учёный, семьи нет, да и родни никакой.

-- Учти, парень, дело это рискованное, малоизученное.

-- Да я уж понял.

-- Ну, так это можно устроить, – спокойно ответил московский гость.

-- Как это устроить!? – ошарашено воззрился на Давида Леонид. – Что уже кого-то отправлял в другое время? Почему так беспечно заявляешь?

-- Имею основания так говорить! – Давид доброжелательно усмехнулся. – И никого я не отправлял. Ты первый, кто изъявил страстное желание побывать в другом мире. На это могут решиться только настоящие учёные, да и то при определённых обстоятельствах. Ты же сам сказал, что тебя здесь ничто не связывает, никто не удерживает. Приезжай, ко мне. Вот адрес, он простой. На месте всё и порешим...

Москвич сказал это Леониду как-то обыденно и тот без раздумий проникся к гостю стопроцентным доверием.

-- Подумай и учти, -- говорил между тем Давид, -- что Земля миллион лет назад имела совсем другие физические параметры. Надо психически быть готовым к совершенно другим условиям, к окружающей среде абсолютно другой планеты под названием Земля. С того времени наша планета значительно увеличила свою массу, -- это прирост почвы и воды на километр в высоту, в ширину, как угодно, одним словом прибавь Земле два километра в диаметре. Прикинь, сколько это будет сотен триллионов тонн? Гравитационное поле, магнитное – всё увеличилось в разы и продолжает увеличиваться. Слон того времени, если перенести его в наше время, весил бы около сорока тонн, и эта громадная животина не смогла бы выжить здесь,

в нашем времени, собственный вес его бы раздавил. Здесь такому зверю надо было бы иметь железобетонные кости и плотную мышечную массу с силой локомотива, а какое сердце надо иметь, чтобы прокачать кровь и лимфу?

-- Да, уж представляю, -- опять согласился Леонид.

-- Человек миллион лет назад, мой друг, -- убеждённо продолжал Давид, -- был значительно выше нашего современника и соответственно сильнее, потому что сила тяжести была меньше, он был хорошо приспособлен к той среде. Тебя, твоё тело, перебросить туда нельзя, потому что это совсем другая планета, другая среда. Там девять атмосфер давления потому, что только толщина тропосферы более двухсот километров. Плотность воздуха такова, что упав ты хоть с тридцатого этажа, приземлился бы как на парашюте. Там кислорода двадцать три процента, углекислого газа шесть процентов, метана гораздо больше, чем сейчас и большая влажность, при которой некоторые виды деревьев вырастают до двух километров в высоту. Если бы не эта влажность, то уже при двадцати четырёх процентах кислорода всё бы уже сгорело на поверхности. Надеюсь, не будешь спорить, что именно вулканическая деятельность и растения запустили механизм эволюции на нашей планете? Так что ты бы, сегодняшний, не выжил в той атмосфере и минуты. А вот сознание твоё я берусь отправить туда, на полтора миллиона лет в прошлое. Я засажу его в чьё-нибудь тело. Даже предположительно уже знаю в чьё...

Синие глаза Давида были наполнены какой-то неукротимой энергией, из них исходила неведомая сила, в них пылал и метался огонь знаний, и Леонид не мог оторваться от них. Наконец, кое-как отодрав свой взор от глаз московского гостя, Леонид страстно воскликнул:

-- Я желаю там побывать, Давид!

-- Очень хорошо, -- просто сказал москвич. -- Я завтра утром улетаю, а ты, коли, надумаешь, утвердишься в своём решении, приезжай вслед за мной. Вот тебе адрес моей московской квартиры и номер моего телефона. Приедешь, позвонишь, я тебя встречу на вокзале или в аэропорту.

Гость вышел, а донельзя взбудораженный Леонид, глядя на захлопнувшую дверь, подумал: «Чёрт возьми, и правда что гений. На улице, среди прохожих, пройдёшь мимо и не заметишь такого. Очень уж просто выглядит, если не смотреть в глаза...».

Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТ

Все железнодорожные вокзалы мира в какой-то степени схожи. И, прежде всего, своим особым запахом мазутно-графитовой смазки, которая применяется для подвижного состава, для переводных стрелок; кажется, даже бетонные шпалы пропитаны креозотом, да и щебёнка вдоль путей. Мало того, этот неистребимый креозотный запах вьелся в тяжёлые скамейки для пассажиров, в железобетонные ажурные ограждения привокзальных сквериков, в кусты сирени и стволы лип и тополей, даже в самих железнодорожников, что деловито и озабоченно проходят мимо. Этот особый запах навсегда поселился в привокзальной инфраструктуре ещё с середины девятнадцатого века, и даже двести лет полного забвения, заброшенности всех этих строений, не истребили бы его.

Беспечный российский пассажир, ощущая себя временщиком, эту привокзальную инфраструктуру не уважает, урн не замечает и валит всякий мусор, куда не попадая. Не успеют вокзальские уборщики подмести да полить перроны водичкой, а уже опять вокруг лежат сигаретные окурки, обёртки от «сникерсов», огрызки яблок и шелуха от семечек. Но больше всего достаётся пристанционным скверикам. Чего только там нет? Кроме привычных уже окурков, там и банки из под сгущёнки, обросшие жирной ржавой пылью, и какие-то, замызганные и пожелтевшие от времени, газетно-журнальные обрывки; использованные и порванные полиэтиленовые пакеты пыльными пузырями выглядывающие из-под таких же пыльных лопухов. Кое-где битые бутылки хищно оскалили свои стеклянные клыки и ждут свою жертву. Тут же, посверкивая через грязные разводы оранжевыми боками, валяются какие-то, загрызенные то ли малыми детьми, то ли нечистой силой, пластиковые покемоны, куклы с оторванными головами, словно ими пытались закусывать после выпитой бормотухи пришлые и вокзальские бомжи. Подросшие уже многочисленными пучками травинки осота, перья чертополоха, жёлтые цветы одуванчика и широкие молодые листья репья пытаются укрыть это мусорное безобразие, да не в силах это сделать, хотя частично и прикрывают его.

Кстати сказать, московские вокзалы ещё относительно чистые по сравнению с вокзалами Лондона, Парижа и других иностранных строений. Зарубежный пассажир не такой уж и воспитанный, как его представляют в средствах массовой информации некоторые журналисты, и разбрасывает он мусор не хуже российского. Особенно в этом преуспели беженцы из Африки и Ближнего Востока, потому как убеждённо считают, что за ними обязаны убирать эти сытые и самодовольные европейцы.

Люди на вокзалах делятся на две категории, и это хорошо заметно: одни пассажиры вечно куда-то торопятся, обременённые ручной кладью, а другие – нудно маются на скамейках в ожидании кого-то или чего-то. Носятся туда-сюда грузовые тележки с озабоченными грузчиками, а представить себе вокзал без цыганок, вообще, невозможно. Эти вечные странницы в основном здесь и зарабатывают своим гаданием. Кроме них здесь промышляют карманные воры и разные прохиндеи, что всегда стараются всучить пассажирам совершенно ненужное им барахло в виде каких-то гламурных буклетов с порнографией, фальшивых лотерейных билетов, глупых настольных игр. А ещё здесь прогуливаются кричаще намалёванные проститутки в специфическом, привлекающем внимание, одеянии, в надежде подцепить изголодавшегося в длительном путешествии клиента. Вся эта разношёрстная публика отлично знает, что любой пассажир здесь при хороших деньгах; они на них охотятся.

Начало июня в средней полосе России, пожалуй, самое лучшее время. Обложных летних дождей ещё нет, чистое голубое небо, всё вокруг обросло свежей молодой зеленью, тепло, даже днём жарко, но ещё не очень. Тополиный запах бывает даже перебивает привычный вокзальный, а в привокзальных скверах цветёт сирень, барбарис и жимолость. В старину такое время называли Семик, то-есть предлетье, которое длилось неделю. Это такой древний своеобраз-

ный праздник, когда посевная, в основном, закончена, и, когда девушки, заплетая верхушки молодых берёзок, загадывали себе судьбу на этот год. Праздник этот существовал только для девушек и молодых вдов.

Челябинский поезд, по заведённому издавна порядку, прибывал на Казанский вокзал столицы утром. По перрону, распугивая вездесущих воробьёв, любопытных трясогузок и синиц, прогуливался высокий молодой человек. Он явно кого-то встречал, но привычного букета цветов у него не было. Сцепив руки сзади, он медленно вышагивал то в одну, то в другую сторону, глядя себе под ноги и о чём-то думая. Это был Давид.

Наконец подошёл поезд и из вагонов потекли ручьи озабоченных пассажиров. Давид, заметив вышедшего Леонида, призывно поднял руку. Никаких вещей у приехавшего уральского гостя при себе не было, если не считать барсетки, болтающейся на плече. Молча, обменявшись рукопожатием, мужчины быстрым шагом пошли на привокзальную стоянку авто, и вот уже мощный вездеход Давида иностранного производства влился в общий поток автомобилей. Этот автомобильный поток, гигантской рекой неспешно тёк по широким улицам столицы, и ему всё равно было тесно на них. Как обычно утром ветра не было, и автомобильный смог плотной грязно-зелёной ватой разлёгся по всему проспекту. Давид, глянув на Леонида, сидящего рядом, деловито предложил:

-- Вот что, Лёня! Понимаю, что ты толком и не выспался в поезде, и наверняка голодный. Так вот знай, что для нашего дела это даже очень хорошо. Кормить я тебя не собираюсь, потому что ты мне такой и нужен. Едем сразу ко мне на дачу. В городской квартире нам делать нечего, потому что всё оборудование и приборы у меня там.... И хронометр там, -- загадочно добавил он.

-- А это далеко? -- полюбопытствовал Леонид, не обратив внимания на последние слова спутника.

-- Нет, километров двести от Москвы. За час-другой доберёмся, только бы не попасть в очередную пробку в городе. Ну, да ничего, сейчас пойдут дорожные развязки.

Наконец из города выбрались, миновали Мытищи. Четырёхрядное Ярославское шоссе прямой стрелой вело на северо-восток. Часть автомобилей сворачивала на боковые дороги, и поток автомобилей скоро значительно уменьшился. Стрелка спидометра на приборной доске вездехода заколебалась на отметке в сто девяносто километров.

-- Здорово гонишь! -- заметил Леонид. -- Опасно ведь, дураков на дороге, сам знаешь, хватает.

-- На хорошей дороге чего ж ползти! -- отреагировал Давид. -- Дальше дорога хуже будет, а на дураков я успею среагировать.

-- Ну, это надо иметь реакцию и мозги те ещё, -- восхитился Леонид.

Когда проехали через Сергиев Посад, Давид свернул влево, уже на другое, двухрядное шоссе и дорога, в самом деле, стала похуже. Вдоль шоссе, то здесь, то там, словно грибы в поле, высились трёхэтажные аляповатые особняки, окружённые бетонными заборами.

-- Дворцы-то, Давид, -- заговорил Леонид, -- выглядят, пожалуй, побогаче бывших дворянских усадеб.

-- А чего удивительного! -- охотно откликнулся Давид. -- Раньше ведь всё вручную строили. Тяжело, долго, а сейчас техника: автокраны, бетономешалки, бульдозеры, готовые конструкции. Любой дом за лето строители возведут и отделают композитными стройматериалами куда лучше дворянских, да и быстрее. Раньше хороший пруд мужики лопатами копали всё лето, а сейчас экскаватор любой ёмкости пруд за час-другой выкопает. Времена другие.

-- Зачем же заборы-то бетонные поставили? -- ворчал Леонид. -- Вон у некоторых даже колючая проволока по верху забора тянется. Прямо-таки тюремные застенки...

-- Там ещё свора собак есть, видеокамеры и охранники! -- усмехнулся Давид. -- Это чтобы нищие не видели роскошь и не зарились, не завидовали. Современные помещики отличаются

от тех, царских, полным отсутствием внутренней культуры, зато нечистая сила наградила их неуёмной тягой к наживанию денег при помощи мошеннических схем, воровства и взяток. Ну, кое-кто и честно зарабатывает, хлопот, правда, много, но это от воспитания, от характера зависит...

-- Да знаю! – недовольно заключил Леонид, и, чтобы перевести разговор в другое русло, задал вполне житейский вопрос:

-- У тебя семья-то, Давид, есть?

-- Есть! – охотно откликнулся тот, на приличной скорости ловко объехав очередную дорожную колдобину. – Мать в городской квартире живёт. Ей уж за девяносто, но ничего, здравствует. Я у неё ген старения убрал, она и не подозревает об этом, и всё ворчит, что зажи-лась на этом свете. На вид ей больше пятидесяти-то не дают. Она ещё работает, лекции по уголовному праву в университете читает. Я ей как-то предложил перепрограммировать орга-низм, так она отказалась. Говорит, что самое дорогое у старого человека это память, без неё он насекомое, инфузория...

-- Да, но насколько я осведомлён, -- перебил Леонид, -- человеческий мозг имеет предел своей ёмкости, и, чтобы добавить новой информации, нужно стереть часть прежней?

-- Совершенно верно! – охотно согласился спутник. -- Потому мать и опасается потерять часть накопленных знаний, а в большей степени часть своей прежней жизни, дорогие ей образы родных и знакомых, а также важные события, которые доставили ей радость и высокие эмо-циональные переживания.

-- А я вот встречал людей, Давид, которые свою прежнюю жизнь с негодованием отвер-гают. Кроме негатива вспомнить ничего не могут, и очень бы хотели продолжить свою жизнь с чистого листа или начать жить заново.

-- Ну, и правильно! – поддержал спутник, вращая баранку. -- Чего же жалеть, коли, жизнь не удалась. Новую жизнь они и так получают, только в другом, параллельном мире. Их двойники живут там несколько иначе, скорее даже лучше. А если взглянуть на эту проблему с другой стороны, так может, быть зря они ропщут на свою реальность. Ведь те люди, которые очень уж удачно устроились в этой жизни, которым «везёт», даже и не подозревают, что их двойники в параллельном мире корчатся от всяких невзгод и проклинают день и час, когда они появились на свет...

-- Так, погоди, Давид! – Леонид, не обратив внимания на его последнюю фразу, вопро-сительно уставился на собеседника. – А своей-то семьи ты что, так и не завёл?

-- Я, Лёня, -- как-то издалека заговорил спутник, -- родился и вырос ещё в читающей стране, люди в ней были духовно выше нынешних. Именно та культура производила систему ценностей и смыслов, и именно она, даже на потенциальных тупиц, оказывала косвенное вли-яние на их внутренний мир. Коммунистическим руководителям того времени надо было бы не о мировой революции мечтать и думать, весь мир не накормишь, а направлять все сред-ства на рост экономики своей страны, о своём народе больше заботиться – сносу бы советской власти не было. А ещё лучше со времён НЭПа создавать народный капитализм по примеру скандинавских стран и всё было бы, как сейчас говорят, о кэй. Надо было продавать дорого свои технологические разработки капиталистам, зато свою, хотя бы и не очень качественную, продукцию распространять по всему миру, пусть даже по демпинговым ценам, как это делают сейчас китайцы. Неужели непонятно было, что финансовая поддержка компартий зарубежных стран, это путь тупиковый?

Сделав паузу, Давид ответил на основной вопрос:

-- По-молодости я, Лёня, женился, да видно не на той, пути наши разошлись, а потом всё как-то некогда было за девушками ухаживать, учебный и научный быт меня засосал. Вот до сих пор один и живу. Правда есть у меня подружка, ты её увидишь, она по образованию врач общей практики и помогает мне в моих научных экспериментах, да и по дому кое-что

делает. Хорошая женщина, разделяет мои взгляды, хотя и родилась уже при этом, российском диком рынке...

Давно остались сзади кричащие хоромы новых русских, и дорога пошла вдоль садово-огородных кооперативов. По сравнению с особняками здесь дачные домики с маленькими клочками земли в пять-шесть соток выглядели как-то убого и уныло. Кое-где виднелись фигурки людей копающихся на грядках. Контраст внушительный, он вызывал в душе неприятное чувство какой-то несправедливости и протеста.

-- Вот, Леонид, российская нищета копается! -- Давид кивнул в сторону садов. -- Нигде в мире нет такого явления, только в России. Да если бы не это садово-огородное подспорье, толпы недовольных бродили бы по стране и жгли бы вон те дворцы. Нашему правительству молиться надо на этих людей, что своим трудом создают подушку продовольственной безопасности. Учти, Лёня, это ведь более чем сорок процентов продовольственного рынка России. Экономия огромная для бюджета страны.

-- Это сколько же в Подмоскovie садовых кооперативов, если только в окрестностях моего Златоуста их около ста пятидесяти!?

-- Да где-то около двух миллионов, а по стране гораздо больше. Нищета!

-- Ну, не такие уж они нищие! -- возразил Леонид. -- Вон автомобили стоят.

-- Так автомобили-то нашего производства, дешёвенькие, а если это иномарки, так подержанные, сменившие не одного хозяина. Учти, что добрая половина этих горемык-дачников на электричках сюда добираются. Однако должен тебе заметить, Лёня, что работа на своём, пусть маленьком, клочке земли, есть очень важная составляющая духовности. Это мало кто понимает из руководства страны, хотя всё они понимают, да помалкивают...

Заметив мужчину стоящего возле ограды одной из дачек, Давид остановил свой джип. Мужчина подошёл к машине, поздоровался, приветливо кивнул Леониду, поинтересовался:

-- Что-то давно тебя не видно было, Давид?

-- На Урал ездил, Иван! -- охотно ответил тот. -- Вот гостя везу к себе. Сразу с вокзала и сюда. Как там мать моя? Поторопились мы, некогда было заехать в городскую квартиру.

-- Да нормально, Давид! Тоже собиралась к какой-то подружке съездить, когда я сюда, в сад, отправлялся. Не беспокойся.

-- Это сосед по московской квартире, Лёня, -- пояснил Давид, тронув машину. -- Иван Приходько. Это он сообщил мне, что дом, там, возле речки, продаётся. Хозяин чего-то напугался и давай скорей продавать свою собственность по бросовой цене. Даже торговаться не стал. Ну, я-то сразу разобрался, что его так напугало. На месте объясню.

Когда миновали кооперативные владения, дорога закончилась. Дальше тянулась грунтовая колея, да и та заросла осотом, лебедой и чемерицей, только жёлтые головки одуванчиков весело выглядывали из этого плотного травостоя. Видимо этой дорогой редко пользовались. Вездеход Давида смял траву и пошёл в гору. Машину обступил могучий сосновый бор. Стволы сосен своей стройностью и красновато-охристым цветом радовали глаз. Затяжной подъём длился около получаса, но, наконец, закончился и автомобиль остановился на солнечной опушке леса, возле большого двухэтажного дома, окружённого привычным бетонным забором. Внизу сверкнула гладь небольшой речки.

-- Приехали что ли? -- спросил Леонид, устало, выбираясь из машины.

-- Да, -- это моя берлога! -- деловито сообщил Давид.

-- Сам-то тоже забором отгородился от людей, -- проворчал Леонид.

-- Не я! -- пояснил спутник. -- Это прежний хозяин возвёл. И правильно сделал. Я вовсе не хочу, чтобы в моё отсутствие мелкое ворьё поломало и разворовало моё оборудование, дорогие приборы. Хотя попасть в дом едва ли возможно, бывший владелец предусмотрел всё. Электроэнергию здесь создаёт газогенераторная установка, воду качает глубинный насос из скважины,

так что автономия в доме полная. Может, и ни к чему тот хозяин забор сделал, в эти места ходить бояться.

-- Это ещё почему? – насторожился Леонид.

-- Да кто их знает? Молва такая! – Давид весело усмехнулся. -- Вот и прежний хозяин по этой причине дом продал. Хотя я-то быстро вычислил, что дом случайно построили на перекрестке планетарных силовых линий. Строителям вообще-то надо рассчитывать эти вещи. Не зря же один из нанятых прежним хозяином строителей, когда отделывали подвальное помещение, на глазах у товарищей исчез. Те сразу отказались работать и потребовали расчёт. Районная прокуратура уголовное дело возбудила, дознание провела, да толку-то -- вот хозяин и запаниковал, давай скорей продавать строение, а мне, считай, подфартило, как будто для меня строил...

-- А ты как к этому относишься? – полюбопытствовал Леонид. – Не боишься исчезнуть, как тот строитель?

-- Я, Лёня, -- Давид посерьёзnel и твёрдо посмотрел на гостя, -- боюсь только угасания магнитного поля Земли, или других планетарно-космических катаклизмов. И потому боюсь, друг мой, что мы не знаем, когда это может произойти, и как вообще это происходит: то ли мгновенно, когда полюса меняются в одночасье, то ли, когда переполюсовка происходит сначала через механизм сжатия этого поля, а это может занять десятки, а, может, сотни лет? Это космический катаклизм, а человечество совершенно не готово к нему. У богатых идиотов, в их башках, только одна забота, как бы побыстрее установить мировое господство на планете. Им бы глупцам, догадаться, что деньги надо тратить на науку, но, как видишь, это совершенно невозможно. Сознание у современного человечества вербальное. Но, как говорится: пути Господни неисповедимы, и нам неизвестно, может быть, так надо Создателю...

Давид приложил ладонь к стальной пластине замка на железных воротах, и они автоматически съехали в сторону. Во дворе Давида встретила, ласкаясь, красивая, восточно-европейская овчарка. Она обнюхала Леонида и дружелюбно вильнула хвостом, очевидно, поняла, что коли хозяин, привёз человека, значит так нужно, и возражать против этого нельзя. На крыльце, улыбаясь, стояла молодая женщина. На вид ей было около тридцати лет. Белокурую блондинку с великолепной фигурой природа наградила какой-то притягательной северной красотой. Не яркой, броской и стандартной, как на модных подиумах столиц, а какой-то завораживающей, что бывает нередко у русских красавиц. Скорей всего она и не замечала своей привлекательности. Как правило, женщины подобного типа, занятые делом, особенно наукой, чаще всего не обращают внимания на свою внешность, очаровывать мужчин даже и не думают, но это происходит помимо их желания...

Давид загнал машину во двор и представил женщине своего гостя:

-- Знакомься, Лариса! Это мой новый друг из Златоуста. Он археолог и изъявил желание участвовать в нашем эксперименте.

Леонид пожал мягкую ладошку женщины, не удержался и поцеловал аккуратную ручку, чем несколько смутил хозяйку. Доброжелательно улыбнувшись, он представился. Лариса взглянула на гостя со смешанным чувством любопытства и тревоги. Мало того в её глазах мелькнуло даже какое-то сочувствие. Она, как-то искусственно заторопившись, воскликнула:

-- Ребята! Вы же наверняка голодные! Я приготовлю вам обед.

-- Лариса! – остановил Давид женщину. – Пусть будет обед, но только лёгкий. Очень лёгкий. Чуть-чуть углеводов и всё, а Леониду только специальное питьё с диоксидом кремния. Этот сорбент его телу будет крайне необходим. Ты понимаешь? Да, и надо сделать ему общий анализ крови. Мы пока немного прогуляемся, ноги разомнём...

Давид вывел своего гостя к берегу речки. Задумчиво посмотрев на заводь, он заговорил:

-- Эта речка называется Дубна. Если сплавиться по течению, то через сорок километров будет город с одноимённым названием. Это там располагается центр ядерных исследований,

наши физики изучают свойства элементарных частиц при огромных скоростях. Зарубежных учёных бывает немало. Кстати, физики из Дубны помогли мне с кой-какой аппаратурой.

Леонид осмотрелся. Речка небольшая, ширина её не превышала десяти метров. Берега заросли ивняком и черёмухой, но выше по берегу раскинули свои ветви несколько дубов. Хозяйская собака деловито шныряла в кустах, что-то вынюхивая.

-- За твоим телом, Лёня, -- заговорил снова Давид, -- будет ухаживать она, Лариса.

-- Это как ещё? -- забеспокоился Леонид.

-- Ну, как?! -- Элементарно! Ты же будешь в коме. Нужно следить за приборами: пульс, давление... Боже упаси обезвоживание, значит капельница. Сам должен понимать, не маленький.

-- И сколько времени это будет продолжаться? -- насторожился Леонид.

-- Это будет зависеть от обстоятельств, -- успокоил Давид. -- Я в любое время смогу вытащить тебя из того мира.

-- Фу! -- выдохнул Леонид. -- У меня уж мандраж какой-то!

-- Есть ещё время отказаться!

-- Да нет! -- решительно заявил Леонид. -- Давай уж как-то быстрее что ли.

-- Не спеши! Всему своё время. Нужна ночь и полнолуние. Кстати оно сегодня и будет. Сейчас пойдёшь, вымоешься тщательно в душе с дегтярным мылом, наденешь тонкое спецбельё...

Давид устремил свой взгляд вдаль, поверх лесного массива за речкой, на редкие полдневные облачка, медленно ползущие над горизонтом, задумчиво произнёс:

-- Мы ведь первопроходцы, Лёня. Кто знает, что там? В мире всё имеет круговое и волновое движение. Прошлые и будущее переплетены, попав в прошлое, не окажешься ли в будущем... Древние знали больше нас...

Стемнело. Над почти чёрной полосой горизонта повисла ярко-жёлтая луна. Леонид, одетый как хирург в тонкие зеленоватые штаны и рубаху с короткими рукавами спустился за Давидом в обширное подвальное помещение, мягко освещённое скрытыми светильниками по периметру. Середину помещения занимала чёрная капсула яйцевидной формы в три метра высотой. Она была закреплена в центре бетонного квадрата в вертикальном положении. У одной из стен располагалась подмигивающая малиновыми и зелёными неонками длинная панель с аппаратурой, над которой светился полутораметровый экран монитора. За пультом, проверяя настройку многочисленных приборов, сидела Лариса в ожидании команды. На экране, цветными пятнами, высвечивалась какая-то географическая карта.

-- Вот, Лёня! -- Давид кивнул на экран. -- Это компьютерная версия географии Земли полтора миллиона лет назад. Это довольно точная карта. Учти, там, в ноосфере Земли, да и во всей Мультивселенной, -- Давид поднял указательный палец вверх, -- записана в цифровом варианте вся информация за миллиарды лет. Мы теперь сможем вытянуть оттуда любую, хотя бы и историческую, информационную картину -- вот политикам-то, которые наделены властными полномочиями, с их мозгами, настроенными на лживые обещания своим народам, будет неловко, -- Давид криво и саркастически усмехнулся. -- Они теперь, когда узнают о наших научных изысканиях, будут очень осторожны в своих высказываниях, обещаниях и ошибочных распоряжениях.

-- В таком случае, Давид, ты подвергаешь свою жизнь большой опасности, -- заметил Леонид. -- Знаешь ведь сколько учёных угробили за последние годы спецслужбы по распоряжению мирового теневого правительства?

-- Знаю! -- с сарказмом ответил Давид. -- Но меня уничтожить им уже не удастся, я им такой радости не доставлю. Благодаря некоторым знаниям древних учёных, которые я приобрёл

рёл, копаясь в далёком прошлом, при любой попытке ликвидировать моё физическое тело, срабатывает вот этот прибор. Он автоматически окружает меня силовым полем.

Давид ткнул пальцем в маленький полупрозрачный кулон на шее. Кивнув головой на монитор, он коротко сказал:

-- Ты лучше посмотри на карту земной поверхности.

Леонид с интересом знатока стал рассматривать карту на дисплее. Про себя он отметил, что очертания европейского материка мало изменились, но почти весь Северный ледовитый океан был занят сушей, да и льдов там никаких не было, зато Чёрное море соединялось с Каспийским и простиралось дальше, занимая собой, будущие пустыни Кара-Кум, Кызыл-Кум и Аральское море. По сути, это было огромное море, южный берег которого протянулся вдоль хребтов Тянь-Шаня, Копетдага и Большого Кавказа, восточным своим берегом упираясь в Западные Саяны.

-- Вот здесь я тебя и высажу, Лёня! – Давид указал пальцем на точку северного берега этого моря. – Это будет немного южнее современной Оренбургской области. Здесь живут, или вернее жили когда-то, так называемые ассийцы. Я нашупал там одного отшельника – вот он-то нам и нужен.

-- А как работает это сооружение? – Леонид не придавал значения последним словам Давида, а указал на завладевшую его вниманием капсулу. – Это что, машина времени?

-- Грубо говоря, да! – Давид как-то неопределённо пожал плечами. – Всё намного сложнее. Я ведь, когда купил дом, вырыл здесь ещё один котлован четырёхметровой глубины. Один, без каких-либо помощников, простой лопатой. Правда для точности граней я работал с помощью лазерного луча, и яма эта абсолютно точно стала формой перевёрнутой пирамиды. В вершину я воткнул спираль из медного кабеля в палец толщиной и высотой до уровня пола. Всё это я залил бетоном, так что здесь лежит пирамида вершиной вниз. Пришлось пять автобетономешалок пригнать, так что сюда более двадцати пяти тонн раствора вошло. Вообще-то этот конденсатор был бы маловат для наших научных экспериментов, но важнейшую роль здесь играет перекрестье силовых линий Земли. Ну, а уж на конце спирали я поместил ограненный кусок кварцита, а на него капсулу. К ней я подсоединил селеновый выпрямитель, который даёт пиковую нагрузку в четыреста герц и переменное магнитное поле. В момент квантового перехода расход энергии длится всего-то сотую долю секунды, так что очень ёмкого аккумулятора и силы домашнего генератора хватает.

Давид открыл овальную дверь в чёрном яйце и Леонид увидел, что внутренняя поверхность была сплошь зеркальной или хромированной. Голубой свет шёл откуда-то снизу, из полупрозрачного овального пола в капсуле, на котором стояла обычная кушетка, но с каким-то специальным покрытием.

-- Я опасюсь только одного, Лёня, -- заговорил Давид, -- когда две частоты создадут резонансную точку, не получилось бы гидродинамического удара внутри тела, но для этого сделана зеркальная поверхность в капсуле и защитное магнитное поле. Ну и не только для этого...

-- Пусть будет, что будет, Давид! – беспечно махнул рукой Леонид.

-- Ложись, Лёня, на эту кушетку лицом вверх, так чтобы взгляд твой упирался в параболический потолок капсулы, – глуховатый голос Давида зазвучал несколько торжественно. – Постарайся ни о чём не думать и представить в памяти те глаза, что ты видел на своём диске. Я помогу тебе через усилитель. Те глаза я отлично зафиксировал в своей памяти и подстегну твою. Связь у нас с тобой будет мысленной. Ничего не бойся, я с тобой. Как только частота работы мозга установится на отметке в сто десять герц, ты будешь в отключке. Твоё сознание, биоэнергия квантов с длиной определённой волны, войдёт в резонансную точку, и вакуумная дыра на вселенской волне забросит тебя в расчётную точку времени, в место, которое я тебе

показал. Я косвенно буду иногда присутствовать в твоём сознании уже там, в чужом для тебя теле, которое временно должно стать твоим домом, но не постоянно...

-- Я не могу понять, -- поинтересовался Леонид, -- как ты сможешь присутствовать сразу в двух реальностях?

-- Теоретически это возможно, Лёня! -- поспешил успокоить Давид. -- Мысль, данная нам Создателем, не имеет границ. Всё, пошёл!

Сердце Леонида гулко забилося, когда он шагнул в капсулу. Люк за ним закрылся. Он улёгся на кушетку, как ему было предложено. В мерцающем голубоватом свете со всех сторон его окружили искажённые и вытянутые вверх части тела и лица. Их было бесчисленное множество, но там, в кривом потолке капсулы, на него смотрели его же увеличенные и выпуклые глаза, в которых чётко читался страх. Перепутанные мысли свились в какой-то клубок. Где-то в глубине мозга ритмично и звонко начал стучать метроном, сопровождаемый музыкой низких аккордов. Леонид постарался вспомнить те удивительные глаза, что были на его диске. И они появились. Мудрые и всепроникающие они начали втягивать в себя его мозг. Оторваться от них уже было невозможно и вот уже всё, что называлось Леонидом, вдруг, полетело в пучину чёрных зрачков, в неведомую, бесконечную бездну...

Глава 4. СТРОИТЕЛЬ ФАН ГУНН

Фан проснулся в этот раз с некоторым опозданием, да и то из-за того, что его помощник Али что-то тяжёлое неаккуратно положил на землю или бросил во дворе. Молодой человек сначала вытянулся во весь свой почти трёхметровый рост, а потом резко вскочил со своего ложа, застеленного шелковистой морской травой, и, подняв тяжёлый ставень из бронированной стеклокерамики, выглянул в круглое окно. Небо было оранжево-охристым, и утро наступало как-то стремительно. Это показалось Фану необычным, и даже подозрительным, да и воздух был каким-то тяжёлым, плотным, но он быстро успокоился, разглядывая знакомые окрестности. Во второй половине ночи, как обычно, под утро, прошёл очередной дождь. Скорей всего это уже был последний дождик, зима заканчивалась. Эти дожди донимали только в течение двух неполных зимних месяцев, а в остальные было сравнительно сухо, если не считать частых туманов и обильных рос по утрам.

Вот и сейчас из-за утреннего тумана солнца не было видно, но его тепло уже хорошо чувствовалось в сыром воздухе. Белесая волна тумана уползла куда-то вверх по косогору, и с высоты двухсот метров перед парнем открылся изумительный вид на зеленоватую гладь воды в бухте, окаймлённой по сторонам красноватыми скалами. Тяжеловесность камня скрашивала светлая зелень перистых листьев пальм, тут и там торчащих из скальных расщелин, а ещё они зелёным ожерельем окаймляли по низу береговые скалы, оживляя вытянутую к югу бухту.

-- Эй, Али, что ты там уронил?! – крикнул Фан.

Откуда-то со стороны выдвинулся огромный, пятидесятишестиметровый человек и его более чем метровая голова, задранная вверх, к окну, пророкотала густым басом:

-- Я укладываю кирпичи в периметр, что ты вчера нарезал, хозяин!

-- Тьфу ты! – спохватился Гунн. -- Я и забыл. Ладно, работай. Масла-то пока хватает?

-- Так я же вчера выпил бочку! – пророкотал огромный робот. -- Теперь только через месяц понадобится.

-- Да это что такое? – проворчал Фан. -- Точно что-то с головой, с памятью стало не так. Пожалуй, надо выпить настоя чёрного лугового лука перед сном, да облучить голову слабым полем Пси-луча с частотой в десять Пи-единиц.

Фан Гунн по образованию был строителем и пять лет назад закончил десятилетний цикл обучения в академии Ямбурга. При распределении выпускников он сам попросился в этот глухой край. И в этом было некоторое преимущество: во-первых, для освоения нового места власти предоставили молодому поселенцу помощника, биоробота Али, а, во-вторых, он получил в аренду на три года спецрезак, который стоил невероятных денег, а ещё антигравитационную платформу для облётов вверенной ему территории, да кой-какие инструменты положенные спецпоселенцу в диких необжитых местах. Место это было пограничным и пришлось ещё два года обучаться на спецкурсах в военном училище. Ему это было даже интересно, так что Гунн стал не просто строителем, а военным строителем, поселенцем, ну и по совместительству пограничником. Друзья отговаривали: мол, как же ты без людей, без городских развлечений, без девочек, в какой-то там глухомани? Однако Фан отмахнулся и без колебаний сменил шумный, и, как ему казалось, тесный город, на лесную тишину отшельника.

Эту необжитую территорию ему однажды показал его дядя по матери, генерал Пак. Пожалуй, у дяди уже тогда были какие-то свои, личные соображения в отношении племянника. Когда он посадил свою платформу на вершину кроны гигантской секвойи, у Фана, выросшего в городском шуме и тесноте, дух захватило от окружающей красоты и простора. С двухкилометровой высоты дерева местность просматривалась на десятки километров. Одинокую гигантскую секвойю со всех сторон окружала девственная зелень лиственный-хвойных лесов. Леса эти, состоящие в основном из огромных плакучих елей, лиственниц, дубов, араукарий и орешника,

тянулись к северу, до небольшого скалистого хребта, а к югу обрывались бело-песчанной береговой линией морской бухты с пальмами. Вот это однообразие леса, плотным ковром раскинувшегося внизу, и украшали стройные стопятидесятиметровые араукарии, многочисленными светло-зелёными свечками вылезшие из тёмно-зелёного хвойно-лиственного массива. Ближе к морю, вдоль береговой линии, хорошо просматривалась изумрудная зелень пальм. Широколиственные, -- эти деревья были не простыми, а плодовыми, так что какой ни есть, а едой поселенец был обеспечен.

На север и на запад, лес волнами уходил вдаль, и по сути дела был ничейным, да и земля под ним изобиловала, как позже выяснилось, полезными ископаемыми стратегического назначения. Ну, а, коли, территория ничейная, то, как не освоить это богатство -- вот правительство и решило оборудовать на берегу красивой бухты свой юго-восточный форпост. На востоке лес через несколько километров переходил в степь. Хотя это и не совсем степь. Как раз там-то и росли двухкилометровые гиганты на большом удалении друг от друга. Объяснялось это довольно просто: деревья эти неохотно подпускали к себе крупную лесную поросль ближе трёх-четырёх километров, а то и больше, хотя колки мелкого березняка вперемешку с кущами пальм между ними всё-таки чувствовали себя неплохо. А вот как попала эта секвойя в здешний хвойный лес? Непонятно, но Фан голову этим себе забивать не стал -- выросла тут, ну и пусть себе, зато для дела пригодилась. На востоке и северо-востоке лесостепь формально принадлежала ассийцам и сакам, хотя никто вообще не претендовал на эти территории, мол, осваивайте кому так уж хочется.

А, может, в эти края никто не лез из соседних народов, опасаясь дикарей, которые считали эти лесостепные обширные территории своими охотничьими угодьями. Здесь, километрах в десяти к востоку от нового форпоста, жили воинственные варварки, чисто женское племя, которые, вообще, никому не подчинялись и на свою территорию, никого не пускали. У них там, кроме дикого зверья, тех же травоядных цератопсов и устрашающих с виду мирных стегозавров, паслись стада своих молочных коров, располагались огороженные участки полей с зерновыми культурами. Кроме того, варварки содержали на своих угодьях элитные стада прекрасных скакунов, которых время от времени обменивали у гиперборейцев на железо и кое-какие изделия из него. Те же использовали великолепных коней в основном для спортивных состязаний. Вот, казалось бы, от варварок-то можно было ожидать чего угодно, хотя гораздо большая опасность, по мнению пограничников Страны Саков, грозила вовсе не со стороны воинственных амазонок, а с моря...

Первым делом пограничники, доставившие сюда молодого поселенца с амуницией, послали к дереву биоробота Али, чтобы тот нейтрализовал его. Дело в том, что этот лесной гигант обладал такой энергетикой, что все приборы в радиусе ста метров от дерева выходили из строя. Лучшего же объекта для маяка и наблюдательного пункта, да и жилого комплекса, трудно было придумать, тем более, что рядом находился родник с великолепной водой. Приземный ствол дерева походил на неприступный замок. Пять мощных естественных контрфорсов, огромными косыми парусами уходили на высоту до стапятидесяти метров и подпирали неровную центральную часть дерева, которая только на высоте двухсот метров становилась более ровной и цилиндрической. Ветви гиганта росли ещё выше и располагались концентрическими окружностями до самой вершины, которая терялась где-то в невообразимой высоте. Корни этого исполина, вспучившись, тянулись в разные стороны сначала над поверхностью земли, а потом под ней тоже до двух километров. Один из этих корней уходил на три и больше километра, где на конце зарождался новый росток. Новое деревце начинало самостоятельную жизнь только с пятидесятилетнего возраста. Жило такое дерево три с половиной, а то и пять тысяч лет, и даже больше, в зависимости от природных условий: окружающей дерево-гигант атмосферы, состава почвы, что питала корневую систему, даже от уровня грунтовых вод.

Пограничники нашли пятидесятиметровый росток данной секвойи далеко к северо-востоку, определив по его возрасту, что родителя уже можно использовать для своих нужд. Биоробот Али, подойдя к дереву, обнял часть его ствола и мощным разрядом своего аккумулятора успокоил гиганта. Мозг дерева находился в прикорневой зоне. Один из пограничников, приблизившись, приложил свой прибор к твердущей коре. Тонкое сверло пронзило кору вошло в камбий, пошёл сигнал с определённой информацией и мозг гиганта был перепрограммирован. Теперь вся энергетика дерева пошла на службу человеку.

Пограничники со своей большой патрульной платформы аккуратно срезали на высоте двухсот метров огромный ствол секвойи. Они имели на это полное право, само дерево стоило очень дорого, и без специального разрешения, да ещё без спецоборудования, такое дерево никто бы и не смог свалить. Более чем полторакилометровый ствол в несколько тысяч тонн весом военные забрали для своих нужд, а Фану оставили двухсотметровый пенёк, диаметр которого на срезе был более ста метров. Вот этот пенёк молодой строитель и должен был превратиться в большой дом, снабжённый собственной энергией. Дом этот должен был стать ещё и смотровой вышкой, наблюдательным пунктом, оснащённым приборами и спецсвязью.

Фан, с энтузиазмом молодости, сразу же принялся за работу. Пока великан Али расчищал от лесной поросли площадку шириной в двести метров от пня до бухты, Фан, летая на своей платформе, обработал со всех сторон пенёк антигрибковой смесью. Али до того предварительно снял с пня кору большим стальным скребком. Платформу, распылитель и смесь, также как и масло для Али, тоже привезли пограничники, а еды, как уже упоминалось, для поселенца здесь было более чем достаточно: пальмовые заросли вдоль побережья были усеяны съедобными плодами.

Хорошо работать резакон, удобно. В первом положении его тонкий луч разрезал дерево или камень ровно на метр, а если повернуть колёсико настройки во второе положение, то луч с такой же лёгкостью резал всё, что угодно уже на десять метров. Правда, камень сначала надо было разогреть. В третьем положении стояла цифра сто и знак восьмёрки в горизонтальном виде, со знаком большой опасности, но Фан ни разу не использовал даже второго поворота настройки, не было надобности. Чтобы разрезать камень, Фан ставил колёсико настройки в ритм разогрева и через минуту каменная масса на глубину до пяти метров становилась мягкой как пластилин, после чего луч резака из рассеивающего ставился в положение узконаправленного.

В первый же день своего пребывания в новом для него месте, Фан, как жук-древоточец, вырезал себе комнату почти на самом верху пня. Не хотелось мокнуть под дождём, который регулярно перед утром, и как раз во время сна, выливался кратковременным душем на голову. Помощнику Али на осадки было вообще наплевать. Он, с наступлением темноты и по программе, садился с какой-нибудь стороны пня, и, привалившись спиной к толстому ребру контрфорса с обработанной гладкой поверхностью, дремал всю ночь, подзаряжаясь энергетикой дерева. С рассветом он принимался за работу, которую ещё с вечера обозначил ему Фан.

В основном это была работа по выравниванию территории: убрать валуны, засыпать ямы после выкорчеванных деревьев при спуске к бухте, а потом Али пересаживал плодоносные пальмы и деревья в стороны от будущего пирса. Орудуя огромной лопатой с нож бульдозера величиной, Али вытаскивал плодовые деревья с комом земли и переносил их на новое место. Через год от жилого пня до бухты, а это около двухсотпятидесяти метров, уже спускалась широкая ухоженная площадка, ровно посыпанная песочком.

После этого началось строительство периметра из деревянных метровых кубов, что нарезал Фан, проделывая шахту подъёмного лифта внутри пня. Глубоко под корнями парень устроил холодильник и тогда с базы ему доставили консервированную кровь и необходимые медицинские препараты, ну и кое-какие продукты в сушёном и консервированном виде. Кроме шахты парень вырезал внутри помещение для связи и два десятка комнат для туристов. Погра-

ничники были не против, а Фан мог неплохо заработать на этих туристах. На смотровой площадке Гунн установил приёмную мачту, локатор и на отдельный шест водрузил флаг Страны Саков. Там же находилась и вращающаяся камера слежения с генератором, использующим энергию окружающей среды.

Ограда нужна была только для защиты от сухопутных крокодилов, которые через трёхметровое препятствие перелезть не могли, а другого крупного зверья здесь не водилось. Для рогатых цератопсов, моноклонов и стегозавров здесь не было их привычной растительной пищи, соответственно и хищники сюда не забредали. После обработки антигрибковым, а после и противопожарным спецсоставом, ограда приобретала свойства камня, и сломать её или поджечь было просто невозможно. Нарезанные кубы Фан сбрасывал вниз, где робот Али складывал из них ограду, предварительно смазав стенки специальной смолой. После часовой просушки стена становилась монолитом.

Трёхлетний контракт у Фана заканчивался, все необходимые строительные работы были выполнены, о туристах же вообще посоветовали забыть на неопределённое время, контракт продлять не стали. Коли уж так сложились дела у поселенца Фана, какие-то новые обстоятельства стали препятствием для туризма, то вскоре Фана должны были забрать отсюда, да вот только с сегодняшнего утра началось что-то, что и объяснить трудно. Вот как-то всё странно складывается с утра, всё как-то виделось вокруг не так, и в голове что-то не то, словно её набили опилками. Вообще в организме чувствовалось какое-то неудобствие, какая-то скованность.

Когда Фан поднялся на верхнюю обзорную площадку, то всё ему показалось в диковинку. Во-первых, он проспал, чего с ним никогда не случалось, хотя, казалось, не выспался, а, во-вторых, воздух был какой-то уж очень плотный, прямо как вода, казалось, его можно было пить, черпать и сжимать ладонями, вроде бы раньше этого не замечал. А ещё в этом, перенасыщенном кислородом, воздухе присутствовал запах сероводорода, углекислоты, метана, аммиака, ещё каких-то газов и всюду присутствовал одуряющий аромат тропиков. Утреннее небо стало, наконец, чистым, без единого облачка, а утреннее солнце гнало на парня и окружающие окрестности массу тепловых лучей. Странно уже то, что углекислый газ не имеет запаха, а Фан его почему-то стал чувствовать...

Каждое утро Фан обязательно купался в бухте. Причём с удовольствием, а в этот раз не хотелось. Обычно он прыгал с парашюта смотровой площадки в сторону моря и парил в воздухе минуты три, постепенно снижаясь до самой воды, куда и нырял. Расстояние от пня до водной глади в бухте составляло около двухсот пятидесяти метров и пролететь до воды ничего не стоило, наоборот, приятно. Только вот в этот раз он, встав по привычке на парашют, поймал себя на мысли, что, вдруг, испугался двухсотметровой высоты, чего никогда не было. Странно – боязнь высоты. Откуда...?

Фан потряс головой, удивляясь, раньше такого ощущения не было. Все мальчишки и девчонки чуть ли не с рождения могли спокойно парить над поверхностью. Можно было слегка разбежаться, подпрыгнуть и лететь метров пятьдесят-семьдесят, ну, а уж с какой-либо высоты так и дальше. Спортивные состязания устанавливали норму прыжков с вышки определённой высоты на дальность полёта, в том числе и ныряние в воду.

Всё-таки Фан, как-то несмело, но по привычке оттолкнувшись ногами от парашюта, прыгнул вверх и полетел вперёд, раскинув в стороны руки. Полёт показался ему блаженно долгим и закончился уже над водной поверхностью бухты. Когда он вошёл в воду, то поймал себя на мысли, что разница между воздушной и водной средой была минимальной. Просто морская вода была чуть холоднее плотного воздуха. Чистота и прозрачность воды были такими, что казалось, парение ещё не закончилось. Внизу просматривался каждый камешек, даже чуть ли не песчинки. Толща воды не ощущалась, только далеко в сторону моря, в тёмной уже глубине его, виднелись какие-то подводные огни.

Фан поплыл к берегу, а когда выбрался из воды, что-то заставило его устремить свой взор к небу. Там, в глубочайшей синеве, посверкивая в лучах солнца, медленно двигался спутник. Вообще-то, над его стройкой за все три года, пока он тут пребывал, никто не летал. Летающие ящеры с размахом крыльев в двадцать метров, с зубастым клювом, который за долю секунды мог перекусить парящего в воздухе человека, здесь не появлялись. Боялись и облетали это место далеко стороной. Просто дополнительный генератор, установленный Фаном на верхней смотровой площадке, и, набиравший электроэнергию прямо из воздуха, издавал слабый, высокочастотный, ультразвуковой сигнал, отпугивающий этих монстров. А заодно этот генератор, контролирующий небо в радиусе нескольких километров, отгонял и стаи летающих собак, на которых обычно охотился этот воздушный динозавр.

Парень медленными прыжками понёсся к своему высотному дому. Поднявшись на антигравитационном лифте в свою комнату, он надел защитные штаны и рубашку, натянул сапоги из кожи крокодила, а на голову противомоскитную сетку. К широкому поясу Фан прицепил лучевой пистолет, походную аптечку, надел на руку навигатор, и, уже без помощи лифта, просто спрыгнул вниз. Впечатление было такое, и Фан поймал себя на этой мысли, будто бы он воспользовался парашютом, и это слово было ему явно незнакомо. Уже на земле он сразу же отправился в лес. Ему нужно было снять показания нескольких приборов, установленных в лесу, в сторону горной гряды, к северу. По навигатору он пошёл к первому из них. Эти приборы установил неделю назад один геолог, присланный из Ямбурга. Пограничники по связи подтвердили Фану его полномочия и имеющееся разрешение для работы в этих глухих местах.

Приборов было несколько, находились они на расстоянии двух-трёх километров друг от друга и в плане захватывали гигантскую площадь в тридцать квадратных километров. Энергию они черпали от низкочастотной вибрации планеты, и задача их заключалась в обсчитывании объёма залежей хромовых рудных тел и попутно, хотя и в меньшей степени, присутствие других полиметаллов. Однако всё оказалось не совсем так. Фану по навигатору нужно было найти только один из них, и ближайший геоприбор находился недалеко от его жилья. С одного прибора универсальный навигатор снял бы необходимые показания, а заодно и с остальных, так что ходить к каждому не было надобности. Парень давно уж понял, что скоро здесь начнутся вскрышные работы, слетятся рудокопы с мощной техникой и последнее мелкое зверье разбежится куда подальше. Ну, а сейчас пистолет ему был нужен для обороны от сухопутных крокодилов, которые иногда забредали в эти места.

С двухсотметровой высоты смотровой площадки лес виделся сплошным тёмно-зелёным ковром с редкими свечками светло-зелёных араукарий и совсем другое дело оказаться в нём на земле. Светлый солнечный день сразу померк, когда Фан вошёл в чашу. Кроны огромных елей, буков и больших ореховых деревьев закрыли небо и только кое-где через них пробивались косые солнечные лучи. Кроме плакучих елей с лапами до земли медленному продвижению Фана по лесу мешал и мелкий кустарник, и широченные перья папоротника двухметровой высоты, не считая высокой лесной травы, роса на которой до сих пор не просохла. Кое-где попадались широколиственные, разлапистые и солидные в стволе деревья гинкго. Они издавали слабый запах сероводорода и уголекислоты, что уже указывало на присутствие каких-то рудных залежей. А ещё приходилось обходить огромные, обросшие зелёно-коричневым мхом, валуны, разлёгшиеся среди лесного травостоя, словно то были отдыхающие в высокой траве цератопсы.

Вскоре штаны парня, почти до пояса, сделались мокрыми от росы. Через полчаса Фан неожиданно вышел на лесную поляну свободную от зарослей и освещённую жарким солнцем. Полянка была ровная, даже какая-то ухоженная, с низкой травой и большими светло-жёлтыми цветами на высоких столонах или жёстких стеблях. На краю поляны, у самой кромки леса, разлапистый цереус распустил большие красные соцветия; на один из них опустился огромный, в ладонь, чёрный махаон с голубыми кругами на крыльях. На другом цветке, деловито жужжа,

собирал пыльцу мохнатый шмель, величиной с полевую мышь. Такой контрастный переход от мрачного леса к весёлой, жизнерадостной полянке очень удивил парня. Так и захотелось прилечь на шелковистую траву, что он и сделал.

Улёгшись на спину, Фан бездумно уставился в почти круглое окно чистого синего неба. Приятно было полежать после блужданий по тёмному лесу. С левой стороны головы раздался, вдруг, слабый нежный звон, словно прозвенели маленькие серебряные колокольчики, а потом раздался тихий детский голосок:

-- Осторожней, Фан. Не раздави нас, мы не можем так быстро перебраться на другое место.

От неожиданности парень даже вздрогнул, мышцы спины мгновенно сократились, и он чуть было не взлетел с места в воздух, но, тут же расслабившись, медленно повернул голову в сторону говорившего. Почти рядом он увидел странные растения ростом меньше ладони с головками похожими на розоватые луковицы, или скорей на бутоны колокольчиков. Два бледно-зелёных растеньица отдалённо походили на маленьких человечков. Головка в пять сантиметров с тонкой шейкой сидела на узких плечиках с двумя листовидными руками, а ствол с утолщением в виде узкого таза переходил в две тонких ножки зарывшихся в почву. Немного большее размером растение нежно обнимало второе своим перистым листом-рукой. Но самое главное, что ещё больше поразило Фана, так это глаза на головках. Настоящие, человеческие. Не было ни носа, ни рта, а глаза были. Красивые, выразительные, доброжелательные...

Фан вспомнил: им студентам читали лекции в университете о разумных цивилизациях, что соседствуют с человечеством на Земле. Это и подземная, и подводная, и растительная, разумная жизнь, но ему лично не приходилось сталкиваться ни с одной из них, и вот, пожалуйста.

-- А как вы догадались, что меня зовут Фан? -- ошарашено ляпнул парень первую фразу, которая посетила его растерянную голову.

-- Это имя было в твоей голове! -- прозвенел голосок, звук которого доносился прямо из головки растения.

-- Ага, значит вы умеете заглядывать в голову, а как вы передвигаетесь, и что является вашим питанием? -- уже более осмысленно произнёс Фан.

-- О, как много вопросов, Фан, -- это очень хорошо, любопытство есть первый шаг к познанию мира. Так знай -- мы пьём росу, умываемся дождями, а микроэлементы для роста и жизнедеятельности организма получаем через ноги, которые в почве. Мы можем ходить недалеко и можем летать, но уже дальше, как вон те стрекозы, а ещё мы можем мгновенно передвигаться на дальние расстояния, но только в случае крайней нужды, например, при большом лесном пожаре.

-- И читаете мысли, -- заключил Фан.

-- Читаем, и не только у людей, но и у растений, зверей и насекомых. Такими нас сделал Создатель мира. В далёком будущем люди будут называть нас эльфами.

-- Я знаю! -- невольно вырвалось у Фана.

-- Конечно, знаешь, -- уверенно сообщил колокольчик, -- потому что в тебе расширенное сознание, вернее два сознания, и ты пока единственный обладатель такого двойного сознания среди людей. Мало того, ты теперь можешь предсказывать события, что произойдут через полтора миллиона лет.

-- Возможно! -- Фан как-то беспечно оставил без внимания последние слова эльфа. -- Но меня беспокоит ваша дальнейшая судьба. Ведь скоро здесь начнётся добыча руды, лес снесут, а как же вы?

-- Спасибо за заботу, Фан, -- звонко поблагодарил эльф. -- Сразу видно, что у тебя доброе сердце, но только ты не беспокойся, мы улетим в более безопасное место, когда это будет необходимо. При особых обстоятельствах, когда нашей жизни угрожает опасность, мы через

параллельный мир, благодаря своей копии, можем мгновенно передвигаться из одной точки пространства в другую. В физике это называется переступить через другой уровень. Ты же знаешь что такое скорость света, разность частот, вакуумная дыра, вселенская гравитационная волна, которая накладывается на планетарное и магнитное поле космических объектов, создавая резонансные точки?

-- Я понимаю, -- заговорил Фан, -- нам читали лекции по физике в университете, но, вот скажи мне: мы, люди, существа социальные, работаем, создаём материально-технические и культурные ценности, у нас общественная деятельность, направленная, в принципе, на благо каждого отдельного человека, а чем же вы занимаетесь? Трудно представить себе, что сидишь вот так в одиночестве, где-то в лесу сутками, месяцами, годами и чего-то ждёшь?

-- Ха-ха-ха! -- весело зазвенел человек-колокольчик. -- Ты односторонне представил себе вселенскую действительность, Фан. Жизнедеятельность вашей, человеческой цивилизации ты переносишь на нас. Запомни, мы, люди-эльфы, живём несколько иначе. Как индивид я вовсе не одинок. Я постоянно общаюсь с себе подобными через планетарную ноосферу. Мы постоянно обмениваемся информацией, решаем сложные научные задачи, изучаем вселенский мир, -- при этих словах колокольчик поднял вверх свой узкий лист-руку, указывая в небо. -- И потому наша интеллектуальная и даже эмоциональная жизнь весьма схожа с вашей...

-- А у тебя есть имя и как вы размножаетесь? -- поинтересовался Фан.

-- Ну, называй меня Элвин, а мою подругу Эльвина, -- сообщил колокольчик. -- Вообще-то мы размножаемся как обычные цветы, через пыльцу, -- охотно пояснил эльф. -- Через три месяца у Эльвины вызреют семена, упадут на почву, а через полгода будет несколько всходов, которые за год вырастут в самостоятельных особей. Эти наши дети, почувствовав себя взрослыми, разлетятся в поисках подруг и друзей. Фитонциды, которые выделяют особи противоположного пола, мы улавливаем за десятки километров...

Колокольчик Эльвина, застеснявшись, прикрыла глаза веками.

-- Через полтора миллиона лет о вас, эльфах и феях люди будут создавать мифы! -- как-то невольно вырвалось у Фана, чему он сам же и удивился.

-- Ха-ха-ха! -- опять развеселился колокольчик. -- Ну, вот это твоё первое предсказание, и оно абсолютно верное. А что ты знаешь о подземной цивилизации?

-- О маленьком народе рудокопов тоже кое-что слышал, -- смутился Фан. -- Наши далёкие потомки будут называть их гномами. Насколько я осведомлён, они умеют безошибочно находить россыпи драгоценных камней, рудное золото, серебро и платину, ну и другие редкоземельные элементы.

-- Кстати, мой долг предупредить тебя, Фан! -- посерьёзней Элвин. -- Тебя ждут большие испытания, так что в дальнейшем прояви бдительность. А геолог, что расставил в лесу приборы для обнаружения здесь рудных тел, является агентом рептилоидов, ваших недоброжелателей. Не случайно его появление здесь вызвало у тебя подозрения. Советую уничтожить эти приборы, с которых ты хочешь снять информацию.

-- Как же я могу их уничтожить! -- помрачнел Фан. -- Это же государственное имущество.

-- Я тебя предупредил, -- как-то печально прозвенел колокольчик.

-- Хорошо, я подумаю, Элвин, -- сказал Фан, вставая. -- Благодарю за предупреждение. Мне надо уходить, но мы с тобой, надеюсь, ещё увидимся.

-- Конечно, увидимся, Фан, до свидания. Только я тебя быстрее найду, в случае крайней нужды, где бы ты не находился...

Глава 5. ГЕНЕРАЛ ПАК

Оставив позади яркую солнечную полянку и новых друзей, Фан углубился в чашу леса. Кустов лесного подростка здесь уже не встречалось, крупные деревья росли реже, зато камней и выступов базальта из лесной почвы, присыпанных сверху опавшими длинными иглами елей и араукарий, было больше. Приходилось их обходить, и вероятность встречи с крокодилом увеличилась. Эти коварные ящеры любят тихо и тупо сидеть в засаде за скальными выступами, поджидая какую-нибудь жертву, тем более что этих животных вполне можно было принять за простую серую корягу.

Где-то через километр от полянки с эльфами парень нашёл первый прибор. Присев возле него, Фан присоединил к прибору свой навигатор. Слегка загудев, навигатор снял показания в виде нескольких столбцов цифр, отразившихся на дисплее, сразу со всех приборов, расположенных на участке в десятки квадратных километров. Посидев и подумав над прощальными словами эльфа, Фан, наконец, принял решение: набрал код приказа на самоуничтожение для всех приборов сразу, дал команду, и отсоединил свой навигатор. Через полминуты в геологическом приборе что-то щёлкнуло, раздался слабый взрыв, лёгкое рыжее облачко поднялось над ним; ясно было, что то же самое произошло и с остальными приборами.

Фан поднялся, намереваясь двинуться обратно, и тут его чуткое ухо уловило слабый стон. Он вынул лучевой пистолет, осторожно обошёл скальный нарост, вспучивший почву поблизости, и увидел за ним, лежащую навзничь, девушку. Она явно находилась в коме, нога её ниже колена, обутая в кожаный чулок, была порвана и слабо кровоточила, а правая рука сжимала простое копьё с хорошим длинным лезвием. Девушка была одета в облегающие кожаные штаны и такую же, но уже свободного покроя, куртку; рядом валялась её полевая сумка из грубого, но прочного волокна. Фан, при взгляде на незнакомку был поражён: лицо девушки было неопишущей красоты, а идеально сложенная фигура говорила о многих веках эволюционного отбора. Скорей всего это была варварка, но почему одна? Фан наклонился, убедился, что девушка была ещё жива, осмотрел рану. Кость не была задета, да и крупные вены целы. По всей вероятности ногу девушки цапнул молодой ящер, а сам наверняка ждёт где-нибудь поблизости, когда жертва загнётся от яда его слюны и потери крови. Хотя на лезвии копья была чья-то кровь, так что ящер, скорей всего, сам был ранен.

Парень перетянул ногу девушки выше колена тонкой лианой, сорванной с ближайшего дерева, и поставил ей противостолбнячный укол из своей походной аптечки. Подумав, добавил ещё противоаллергический укол адреналина и облучил рану на всякий случай, потом поднял бесчувственное тело девушки на плечо и зашагал к дому. Ноша оказалась лёгкой и вскоре Фан был уже в своём жилище. Положив девушку на своё ложе, он, разрезав остатки кожаного чулка, обмыл и обработал рваную рану антисептиком. После всех необходимых в таких случаях медицинских манипуляций, которым его обучали ещё в университете, Фан влил ей часть консервированной крови из своих запасов и забинтовал ногу специальной медицинской тканью.

Спустившись вниз, парень развёл костёр на лужайке, где для него плоскими камнями был выложен круг. Наступило время обеда. Фан принимал пищу только один раз в сутки и обед этот был непростым, а скорей ритуальным. Состоял он в основном из варёной рыбы, фиников, иногда из мяса мелких травоядных динозавров, похожих на страусов. Их добывал помощник Али, для него это занятие не представляло каких-либо трудностей, а водились эти «страусы» далеко, во владениях варварок, в лесостепи. Для Али расстояние в десять километров было простой прогулкой.

Фан ножом достал из котелка сварившийся кусок «страусятины», положил его на чистый пальмовый лист, а сам, раскрыв ладони и обратив лицо к небу, выполняя ритуальный порядок, воскликнул:

-- Боги, простите меня за то, что по моему приказу Али лишил жизни это бегущее существо, созданное Вами!

Попробовав «страусятину», Фан подумал, что мясо очень похоже на обыкновенную курятину, только слово это показалось ему новым и не совсем понятным. Вообще-то стайки диких кур водились в лесу, но никто из людей не использовал их для пропитания. Странно, откуда понятие «курятина» всплыло в мозгу? Фан всё-таки поел и опять возблагодарил богов. Вымыв котелок в протекающем поблизости ручье, парень поднялся в свою комнату, и, осмотрев девушку, которая так и оставалась без сознания, уселся за пульт связи. Вызвав дежурного по пограничному управлению, он доложил, что нашёл в лесу раненную варварку и принёс её на свой форпост. Дежурный обозвал Фана дураком и предупредил, чтобы он был с ней осторожен:

-- Ты пойми, Фан, – укоризненно выговаривал он. – Когда она придёт в себя, то первым делом постарается уничтожить своего спасителя, то-есть тебя. Так уж они, эти варварки, воспитаны, тебе ли не знать. Одичал ты там в лесу. Небось, дикая девушка пришлась тебе по нраву?

Усатая физиономия дежурного на экране монитора расплылась в добродушной улыбке. Фан предупреждение дежурного пропустил мимо ушей и сообщил о взятых им геологических данных. О том, что уничтожил приборы, он почему-то сообщать не стал.

-- Хорошо! – откликнулся дежурный. – Завтра к тебе прилетит генерал Пак. Данные приборов зашифруй, вручишь генералу. Сам понимаешь, информация секретная. Хотя твой форпост рептилоиды со спутника уже наверняка засекли.

Утром следующего дня Фан, проснувшись, первым делом осмотрел раненую девушку. В сознание та так и не пришла, хотя физиологические параметры организма пришли в норму, наблюдалось только некоторое обезвоживание. Фан сделал ей ещё внутривенное вливание заменителя крови и спустился вниз. Али сидел как обычно, привалившись спиной к дереву, черпал энергию и тупо ждал указаний. В это время на лужайку перед башней бесшумно приземлилась платформа. С неё сошёл дядя Пак, выгрузил какой-то ящик, потом ещё один, обнял племянника, огляделся, сказал просто:

-- Ну, давай посмотрим, что ты тут нагородил, племянш!

Дядя был выше племянника на голову, сухощав и генеральская малиновая трабея с жёлтой каймой по подолу болталась на нём как на колу. Голову его венчал золотой обруч, и зелёный берет с красным кантом. У Фана пронеслась мысль, что одеяние дяди очень похоже на одежду античного сенатора. Станные, незнакомые слова: античный, сенатор, трабея...

Генерал в сопровождении Фана обошёл периметр, осмотрел причал, поднялся в башню. В одной из комнат дядя увидел лежащую в коме девушку и строго заметил:

-- А это ещё зачем!? Кто это? Откуда взялась? Похоже варварка.

-- Да вот, дядя, в лесу нашёл, когда информацию с приборов снимал, – сообщил Фан. – Крокодил её порвал, ногу ей поранил.

-- Не мог, что ли оставить на месте, – проворчал генерал. – Богам виднее что с ней сделать. – Варварки наши антиподы, по сути, извечные враги.

-- Я просто выполнил свой человеческий долг, дядя, -- начал оправдываться Фан.

-- Долг-то долгом, -- заметил генерал, -- но ты же знаешь, что варварки ненавидят нас, вообще чужаков, кстати, и рептилоиды для них тоже враги. Погоди, вот очнётся, так первым делом на тебя кинется.

-- Не кинется, нога не позволит.

-- Ну, подлечишь её, а дальше что?

-- Скажу, чтоб шла к своим, домой.

-- А может, она тебе понравилась? – ухмыльнулся генерал. – Девушка красивая, стройная, глаза большие, черты лица тонкие. Видно, что сильная и молодая. Только ты забыл, парень, что варварки однополые и мужчин просто физиологически не переносят.

-- Да знаю я! – отмахнулся Фан. – Не нужна она мне.

-- Вообще-то, парень! – посуровел генерал. – Пора бы тебе и о собственной семье озаботиться. Тебе уже сорок лет, у тебя наступил детородный возраст, и ты знаешь, что до стапятидесяти, ну край до двухсот лет надо успеть завести хотя бы одного ребёнка, по рекомендации правительства -- лучше двух. После этого срока завести детей уже не получится, хотя средний возраст у нас около тысячи лет.

-- Но меня не тянет к противоположному полу, дядя, – осторожно заметил Фан. – Скорей всего половых гормонов у меня ещё мало.

-- Плохо, сынок! – повысил голос родственник. – Так ведь и без наследников останемся. И так наш род Паков оскудел.

-- Рост у девушки где-то два семьдесят. Через миллион лет на девушку с таким ростом будут смотреть со страхом, – вырвалось, вдруг, у Фана.

-- Это ещё почему? – заинтересовался генерал, взглянув на племянника.

-- Так люди будут на метр, а то и полтора меньше ростом! – отчеканил Фан, посмотрев на дядю.

-- А ничего удивительного в этом нет. – резюмировал родственник. – Ежегодно Земля прирастает за счёт органики на полтора-два сантиметра и за полтора миллиона лет, например, прирост составит более километра, а это триллионы тонн почвы и воды. Представляешь, на сколько увеличится гравитационное поле планеты? Закономерно, что всё станет меньше: и люди, и животные, и те же деревья. Ты вот что, племянник! – повысил голос дядя. – Давай не увиливай! Семью, говорю, заводить надо. Так угодно богам, тебе ли не знать. Подыскивай себе девушку и заводи семью.

-- А может вот эту? – Фан как-то несмело указал на варварку. – Противоположный же пол.

-- Да ты что!? – возопил генерал. – Даже если ты используешь её в бесчувственном состоянии, это будет безнравственно, а во-вторых, совершенно бесполезно. Как известно, плод у варварок заводится только при совмещении двух икс-хромосом, в женской любовной паре, то есть между собой, и, повторяю, только у варварок; в игрек-хромосомах, как у наших пар, их организмы не нуждаются.

-- Как же это происходит физиологически? – полюбопытствовал Фан, хотя, в общих чертах, понимал.

-- Ну, вот две варварки вспыхнули друг к другу любовью, – начал объяснять дядя. -- Это высокое чувство начинает в какой-то момент даже преобладать в одной из них. Ну, у которой организм выработал больше тестостерона, ну, может быть чуточку больше, но этого достаточно для триггерного физиологического толчка, чтобы две икс-хромосомы соединились и образовали клетку, которая начинает делиться. Плод начинает расти, -- вот тебе и беременность. Учти, что у варварок рождаются только девочки, потому что в ДНК отсутствует игрек-хромосома.

-- Хм, -- удивился Фан. – Вроде бы просто, но в то же время и очень сложно. Боги экспериментируют, а мы тут путаемся.

-- Хотя, -- задумчиво произнёс генерал, -- можно провести эксперимент, наше законодательство это не запрещает с чужими. У тебя есть в запасе дисперсное нанозолото с нанороботом? Пограничное управление должно было снабдить тебя одной разовой дозой на экстренный случай. Контракт у тебя закончился и завтра, или на днях, я тебя всё равно отсюда заберу.

-- Да, есть, дядя! – подтвердил Фан.

-- Хорошо! – решительно заявил генерал. – Давай, неси сюда! А ещё принеси шприц и снимай свою рубаху. Сейчас сделаем экспресс-анализ крови на группу у тебя и у варварки.

Генерал быстро взял шприцом кровь из вены племянника, и поместил в анализатор. Ту же манипуляцию проделал с девушкой.

-- Ну, вот совместимость по группе и резусу есть, – удовлетворённо сообщил он.

Набрав в шприц дисперсный раствор нанозолота с медицинским нанороботом, генерал поместил туда же частичку крови племянника и ввел эту смесь в вену девушки.

-- Так! сказал он. -- К вечеру увидим, что у нас получилось. Золото оздоровит организм, а наноробот кое-что изменит, совсем чуточку, её ДНК должен измениться по нашему физиологическому типу. Такова программа у нашего наноробота.

-- А как же психика, дядя? -- удивлённо заговорил племянник. -- Так просто, за несколько часов, её, психику эту, не перестроишь?

-- Игрек-хромосома, парень, будет катализатором, или лучше сказать толчком, триггером, к перестройке биосистем, а наноробот по программе сделает всё что нам нужно. Физиологическая перестройка организма произойдёт быстро. Начнётся выработка добавочных гормонов, в том числе некоторого количества постоянного тестостерона, как у наших женщин. Она сама себя не узнает. Агрессивность её исчезнет однозначно, и она проявит несвойственный варварке интерес к противоположному полу, то-есть к тебе. Не сразу, конечно, хотя кто его знает, дело-то для нас новое?

-- Ну и ну! -- удивился Фан. -- Да ты, дядя, физиолог и психолог, или, лучше сказать, кудесник. Пытаешься проникнуть в божественный замысел, как бы хуже не вышло. Не навреди -- важнейшая заповедь физиолога.

-- Боги поощряют любой эксперимент, если он направлен на добро людям. Чему ты удивляешься, племян? -- улыбнулся генерал. -- Не бойся, не навредим, то есть наука. Мне уже всё-таки двести пятьдесят лет. Пора бы уж и понимать. Знаний-то я уже накопил немало. Знай, парень, человечество только тогда имеет перспективу в своём развитии, когда внук имеет знаний несколько больше чем дед и быстрее накапливает жизненный опыт. Ну а уж если он не обгоняет деда по знаниям, да духовно не растёт, тогда человечество деградирует и богам такое не нужно. Они его могут просто уничтожить за ненадобностью...

-- Ну, хорошо, дядя, но тогда ведь девушке будет плохо в среде своих соплеменниц? -- осторожно возразил Фан, взглянув на родственника.

-- Мы можем забрать её с собой, коли, она тебе нравится.

-- Да не испытываю я к ней никаких чувств, дядя. И потом ей придётся плохо в нашей социальной среде, -- упорствовал Фан. -- Варварки выросли в поле природы и дети её, а мы пребываем в поле совсем другой культуры. Научно-технической культуры, дядя.

Генерал задумчиво ответил:

-- Ты правильно рассуждаешь, племянник. Но не забывай, что мы говорим на одном с племенем варварок языке, а это уже немало. Кроме того, у нас один и тот же геном. Боги экспериментировали, когда создавали людей, и варварок, однополых людей, создали несколько раньше. Они посчитали, что так будет проще, но потом решили, что у разнополых людей физиологическая тяга друг к другу будет более сильной, любовь приобретёт более сложные ощущения, а стало быть, и духовное единение будет крепче, мощнее. И ведь это оправдалось со временем...

-- А вправе ли мы, дядя, -- стоял на своём Фан, -- решать за девушку, где, в какой социальной среде, ей жить? Разве не безнравственно выдёргивать её из родной социальной стихии и ввергать в пучину совершенно чуждой культуры?

-- Не чуждой! -- возразил генерал. -- Если не обращать внимания на местный диалект, то у нас один язык, а это уже родственная стихия, уже единая культура, сынок. Да, мы совершили некоторое насилие над личностью, но мы также дали девушке познать новый мир, новые ощущения, увеличили эмоциональную нагрузку, и, думаю, это перевесит, и боги простят нам наш грех, если учесть, что она всё равно бы погибла без нашей помощи.

-- Хорошо, пусть будет так, дядя, -- согласился почему-то парень. -- Думаю, что так нужно Создателю. Посмотрим, что получится и поможем девушке адаптироваться в нашей среде.

В заключение этого разговора Фан передал генералу свой навигатор, сообщив:

-- Здесь все данные геологоразведки хромовых руд в этой местности, причем вот этот ближний прибор, который находился вот здесь, возле скальной гряды, показал наличие мощной золотоносной жилы. Можно вести добычу открытым способом. Кстати, все полевые приборы я уничтожил, дядя.

Генерал пытливо глянул на Фана, в его глазах промелькнуло одобрение:

-- Правильно поступил, парень, хотя и без приказа. Вскрышных работ не будет. Все работы по добыче руды будем проводить скрытно, подземным методом. Про каких-либо туристов здесь, конечно, придётся забыть, а вот то, что ты соорудил в этом пне двадцать дополнительных комнат, очень хорошо. В них будут жить горняки, а добытую руду будем вывозить водным транспортом по ночам, чтобы не засекли рептилоиды...

-- Что же мы провели такие широкомасштабные геологические изыскания, -- удивился Фан, -- такая тяжёлая работа предстоит, а добычу будем вывозить словно воры? Глупо как-то...

Дядя взял из рук Фана навигатор, приложил его к своему обручу и вся информация по геологоразведке была автоматически скачана.

-- Всё, парень, навигатор пуст, -- генерал улыбнулся. -- Вся информация теперь тут! -- он указал на обруч. -- Пошли вниз, воздадим хвалу богам и займёмся обедом. Девушка очнётся только к вечеру и надо будет приготовить ей специальное питьё.

После молчаливого обеда с племянником, попивая чай из соцветий руты узколистной, генерал, продолжая начатый в башне разговор, сказал:

-- Рептилоиды, сынок, везде лезут, куда их и не просят. Так уж они устроены. Им и эта хромовая руда не нужна, а вот как узнают про золото, сам понимаешь, шила в мешке не утаишь, так обязательно поднимут шум в прессе, что, якобы, мы, саки, захватили этот участок незаконно. Хотя все знают, что вокруг пустынных, совершенно неосвоенных территорий, белых пятен, великое множество. Бери, осваивай, так не-ет, лучше всего поднять шум, развязать войну чужими руками за передел территорий -- вот она, геополитическая методика рептилоидов. Им, рептилоидам, нужен управляемый хаос в мире, где воюют все против всех, а они будут наживаться на этом, продавая устаревшее оружие и технологии воюющим сторонам, продвигая в подопечные страны свою гнилую потребительскую демократию...

-- Но в их стране люди живут неплохо, а для учёных созданы все условия, -- возразил Фан. -- Есть немало примеров.

-- Хорошо и богато там живут далеко не все, парень. А научная деятельность учёных находится под контролем так называемого мирового правительства. Многие учёные, научные достижения которых грозят беспредельно расширить возможности современного устоявшегося мира, при загадочных обстоятельствах погибли, и труды их исчезли...

-- Пресса об этих случаях ничего не сообщает, дядя.

-- А зачем!? Рептилоидам выгодно, чтобы люди об этом поменьше знали. Мы, саки, да и все ассийцы, народы Востока, а ещё лемурийцы на юге и гиперборейцы на севере и северо-востоке, исповедуем общечеловеческие ценности, а рептилоидами руководит только деловой интерес. Им на наши ценности наплевать, а потому важнейшая цель для них -- разрушить эти ценности, внедрить потребительскую психологию в головы людей, зомбировать их и безраздельно господствовать на планете. Рептилоиды продуманно используют финансовые инструменты в других странах, так что деньги правят миром, сынок. В результате этой подрывной деятельности в мире царит ложь, двойные стандарты, стремление к личной наживе. Нам это давно известно.

-- Но никому же не хочется прозябать в нищете и безвестности, дядя, -- вот и наживаются, кто, как может, -- упорствовал Фан.

Генерал поставил на камень кружку с чаем, пытливо посмотрел на племянника, заговорил издалека:

-- Боги дали нам, людям, понимание государства и права, философию и мораль, письменность, календарь, различные знания, чтобы мы не бегали с каменными топорами по лесам, а были объединены для познания мира, могли выйти за границы его, познать другие реальности, а для этого овладеть разными видами энергий. А, главное, парень, наши боги ЗАЛОЖИЛИ В НАС ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ, чтобы относились мы друг к другу с добром.

Генерал посмотрел на Фана пристально, изучающе, пытаясь понять, понял ли его родственник важнейший смысл сказанного им. Немного помолчав, с горечью добавил:

-- У рептилоидов другие боги и они заложили в них совсем другие ценности – стремление к наживе, к накоплению богатства любой ценой, отсюда и беспрестанные войны, и совершенствование оружия, разделение людей на своих и чужих. Полностью овладеть миром рептилоидам мешают гиперборейцы с их высокой духовной культурой и высокими технологиями, а мы, ассийцы, да и потомки лемурийцев тоже, в их противостоянии, вроде травы под ногами слонов, чего доброго вытопчут и не заметят...

-- Странно, -- задумчиво произнёс Фан, -- через полтора миллиона лет люди будут говорить почти то же самое. Их будут грызть те же заботы, что и нас...

-- О-о-о, да ты, смотрю, парень, стал философом, провидцем, – подозрительно заметил генерал. Ты пытаешься заглянуть в будущее и это похвально, сынок, фантазировать не вредно, но подводи в свои рассуждения, в таком случае, научную базу, наши идеи и анализируй. Знай, сынок, что без крепкой идеологии, такой, например, как у гиперборейцев, нет государства.

-- Да так, случайно вырвалось, дядя, – смутился Фан. – Сам не пойму, откуда всплыло. Мне иногда кажется, что я раздвоился, сознание у меня с некоторых пор стало двойственным, сложным.

-- Просто ты повзрослел, сынок, -- мягко буркнул генерал.

Глава 6. ВАРВАРКА ТУТТА

Пока дядя с племянником расшифровывали и изучали геологические данные с уничтоженных Фаном приборов, незаметно подкрался вечер. Из-за почерневшего леса на западе заходящего солнца не было видно, но небо над головами окрасилось в спокойный охристо-оранжевый цвет. Где-то в глубине леса взвыли дикие собаки, чёрный как головёшка ворон, сидевший на ближайшей ели, скрипуче и предупреждающе прокаркал, мол, пора бы уже и спать, а не корпеть над цифрами.

-- Ну, хватит на сегодня! – оторвался от вычислений генерал. – Пошли, посмотрим, что там с девушкой.

Между тем, девушка в комнате Фана очнулась. Открыв глаза, она с удивлением увидела деревянный потолок, медленно ворочая глазами обозрела такие же деревянные стены, круглое окно. В голове проскочила мысль, что, может, сытый летающий ящер затащил её в своё дупло на прокорм вечером или на следующий день. Машинально пошарив возле себя, она не обнаружила своего копья, дорожной сумки тоже не было. Она кинулась к отверстию в дупле, но, наткнувшись на какую-то преграду, поняла, что это обычное окно с абсолютно прозрачным керамзитовым стеклом. Тут же вспомнив, что на неё в лесу неожиданно напал молодой крокодил и цапнул за ногу, девушка взглянула на раненую ногу и, увидев, что она забинтована и совсем не болит, поняла, что находится у людей. Только вот кто они, как она к ним попала?

Варварка мысленно связалась с родственницей:

«Бабушка, -- позвала она, -- я, кажется, в плену. – Ответ прозвучал в мозгу сразу же: -- Не опасайся их, внучка. Это саки и они добрые люди. -- Но, что же мне делать? – спросила девушка, и тут же получила ответ: – Они отпустят тебя, но, думаю, что ты сама не захочешь от них уходить».

Поднявшись в башню, мужчины увидели, что девушка сидит на топчане и насторожённо рассматривает простую обстановку комнаты. Широко распахнутые глаза её остановились на вошедших в помещение мужчин. Они, эти огромные глаза, было, по привычке загорелись злобой, и рука девушки непроизвольно пошарила возле себя в поисках оружия. Его не было и в её глазах поселилось гневное любопытство. Всё же вопрос варварки прозвучал несколько растерянно:

-- Где я?! Вы кто? Хотя я догадываюсь и зачем я вам?

-- Успокойся, дева, – мягко произнёс генерал. – Ты у друзей. Тебя подобрал в лесу вот этот юноша. Благодарю своих богов, что он вовремя оказался в том месте, где ты лежала, истекая кровью. Он принёс тебя сюда и оказал необходимую медицинскую помощь.

Девушка перевела взгляд на Фана, глаза её потеплели. Она подумала, что вот перед ней мужчины и ведь они представители совершенно чужого для варварок народа, даже враждебного для них народа. И в то же время она не испытывает к ним привычной ненависти, а вот какой-то интерес к этим мужчинам зародился в ней. Один из них, видно старший, бородатый, усатый, с золотым обручем на голове. Рядом парень, с мягкими усиками над верхней губой, с любопытным и доброжелательным взглядом синих глаз. Чётким голосом девушка заговорила:

-- Хорошо помню, что в лесу неожиданно из-за камня мне в ногу вцепился молодой крокодил, но я успела ударить его своим копьём. Дальше пелена перед глазами и уже ничего не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.